

МАСТЕРА УЖАСОВ

18+

Адам Нэвилл
УСНУТ НЕ ВСЕ

Мастера ужасов

Адам Нэвилл

Уснут не все

«Издательство АСТ»

2016

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)

Нэвилл А.

Уснут не все / А. Нэвилл — «Издательство АСТ»,
2016 — (Мастера ужасов)

ISBN 978-5-17-148139-1

Говорят, в большой белый дом на холме спускаются ангелы, только двум мальчишкам предстоит выяснить, что это не совсем так. В древних лесах Европы все еще живут давно позабытые боги, чья кровожадность не утихла за столетия. По ночам в окне самого обычного дома можно увидеть жуткое белое лицо. Переселенцам в Новой Зеландии предстоит столкнуться с чем-то ужасным. Несчастный первый жилец образцовых апартаментов в Западном Лондоне убедится, что проклятыми бывают не только старые особняки с вековой историей. Все это и многое другое вы найдете в собрании кошмаров и фантазий Адама Нэвилла. Здесь традиции переплетаются с оригинальностью авторского видения, и даже кажущиеся классическими сюжеты страшных историй обретают новое звучание.

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)

ISBN 978-5-17-148139-1

© Нэвилл А., 2016
© Издательство АСТ, 2016

Содержание

Предисловие автора	6
Куда приходят ангелы	7
Исконный обитатель	17
Материнское молоко	29
Желтые зубы	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Адам Нэвилл

Усну́т не все

Adam Nevill
SOME WILL NOT SLEEP

Stories © Adam L. G. Nevill
© Андрей Локтионов, перевод, 2023
© Михаил Емельянов, иллюстрация, 2023
© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

*Посвящается моей жене Энн, которая, хоть и вынуждена
ежедневно терпеть мои ужасы, всегда справляется с ними и потакает
им*

*Я слышал ночью крик, а затем смех. Такие, что если не смогу
забыть их, то больше не усну.*
М. Р. Джеймс. Граф Магнус

Предисловие автора

Свой первый роман ужасов я начал писать в сентябре 1997 года, а рассказы сочинял с начала того же десятилетия. Сейчас у меня за спиной уже восемь романов в жанре «хоррор», и, хотя я написал рассказов на три полноценных сборника, этот – мой запоздалый первенец. Я выбрал истории, сочиненные с 1995 по 2011 год (хотя впервые они были опубликованы в середине этого периода и после него). Выбрал потому, что в 2016 году они мне по-прежнему нравятся и через этот сборник я решил дать им вторую жизнь. Все они являются ключевыми с точки зрения их заказчиков и издателей. А также с учетом того, что я пытался достичь посредством голоса, стиля или эффектов. Более подробную информацию на данную тему можно найти в конце книги, в разделе «Об этих ужасах».

В современной издательской среде, которая продолжает существенно меняться, для писателей открывается много новых возможностей. А новые технологии и новая эра независимого издательского дела, наконец, открыли ворота, выпустили моих гончих и вызвали у меня желание опубликовать этот первый сборник самостоятельно, через собственную компанию Ritual Limited. Не последнюю роль сыграл мой одиннадцатилетний опыт работы редактором в традиционных издательствах. Все волнения и муки, радости и разочарования, а также долгие дни моей трудовой жизни в качестве редактора подготовили меня к тому, чтобы попробовать издавать книги по-своему. По сути, сформировали видение того, как мои рассказы должны быть оформлены и представлены читателю.

Работая в столь обширной области, буквально кишашей старыми и новыми авторами, я особенно хотел, чтобы этот сборник олицетворял то, чем я занимаюсь как писатель ужасов. Я чувствовал, что сумею сделать это лишь в одиночку. Если допущу какие-то ошибки, то смогу тут же их исправить. Также я смогу печатать книгу бесконечно. И как автор и издатель никогда не позволю ей «впасть в спячку».

Благодаря ежегодному – начиная с 2010-го – выпуску романов и удачному стечению обстоятельств, лишь в 2016-м году я наконец получил возможность развить мою компанию в нечто большее, расширив ее изначальную административную функцию, и издать дебютную книгу. Предстоит много тяжелой работы. Для создания разных форматов потребуется немало времени. В стремительно меняющейся издательской сфере, возможно, придется чему-то учиться. И издание «Усну́т не все» не обошлось без всего этого.

Наконец, название сборника навеяно Первым посланием к Коринфянам (15:5), написанным апостолом Павлом: «Не все мы уснем, но все изменимся». Как и в случае с большей частью Библии, это утверждение имеет несколько интерпретаций. Но есть и несколько интерпретаций названия данной книги. Не спит кто-то из ее героев. Возможно, не спит кто-то из читателей. И тот, кто написал ее, тоже зачастую не спит.

Manes exite paterni¹

Адам Л. Дж. Нэвилл

Девон. Июнь 2016 г.

---

¹ Духи предков, изыдите! (Лат.) – Здесь и далее прим. пер.

Куда приходят ангелы

Половина тела у меня ноет, как гнилой зуб. Боль проникает до самых костей. Левую руку и ногу колет ледяными иголками. В них уже никогда не вернется тепло. Вот поэтому бабушка Элис и здесь. Сидит на кресле у изножья кровати, ее морщинистое лицо скрыто тенью. И все же молочный свет, проникающий сквозь тюлевые занавески, отражается искорками в юрких глазах, блестит на желтоватых зубах, открытых в улыбке, которая не сходила с ее лица с тех пор, как мать впустила Элис в дом, приготовила ей чашку чая и провела в мою комнату. От бабушки пахнет, как от сливных труб за муниципальными домами.

– По крайней мере, одна половина у тебя здорова, – говорит она. На ее тощую ногу надет металлический ортез, ступня под шарниром обута в детскую туфельку. Я знаю, это невежливо, но не могу оторвать взгляд. Здоровая нога заплыла жиром.

– Они отняли у меня руку и ногу. – Здоровой рукой она вынимает мертвую конечность из кармана своего кардигана, и та падает ей на колени. Маленькая и серая, она напоминает мне кукольную. Я отвожу взгляд.

Она наклоняется ко мне со своего кресла; ее дыхание пахнет чаем.

– Покажи, где они до тебя дотронулись, малыш.

Я расстегиваю ворот пижамы и переворачиваюсь на здоровый бок. Увидев мой шрам, бабушка Элис не теряет зря времени, и ее короткие толстые пальцы начинают ощупывать сморщенную кожу плеча, но не касаются тех полупрозрачных мест, где меня хватала рука. Глаза у бабушки Элис округляются, губы растягиваются в стороны, обнажая десны, скорее черные, чем розовые. Кукольная рука на бедре подрагивает. Бережно прижимая ее к груди и глядя заботливыми пальцами, бабушка Элис кашляет и садится обратно в кресло. Когда я прячу плечо под пижамой, она продолжает смотреть на него немигающими глазами и, похоже, разочарована тем, что я не дал ей насмотреться вдоволь. Она облизывает губы.

– Расскажи, что случилось, малыш.

Я откидываюсь на подушки, смотрю в окно и сглатываю подступивший к горлу ком. Меня слегка мутит, и я не хочу вспоминать, что случилось. Ни за что.

В парке через улицу, за металлическим забором, я вижу обычный круг мамаш. Закутанные в пальто, они сидят на скамейках возле детских колясок либо прогуливаются, удерживая на поводке рвущихся бегать собак, и следят за игрой детей. Те карабкаются по «лазалкам», носятся по сырой траве, визжат, смеются, падают и плачут. Замотанные в шарфы, одетые в теплые куртки, они снуют среди голодных голубей и чаек. Тысячи белых и серых птичьих фигурок что-то выискивают в земле у них под ногами. Наконец птицы испуганно взлетают дугой, поднимают свои пухлые тельца в воздух, громко хлопая крыльями. И дети на мгновение слепнут от страха и возбуждения, вызванных секундным ураганом из пыльных крыльев, красных лапок, острых клювов и испуганных глаз. Но они – дети и птицы – здесь, за частоколом железной ограды, в безопасности. За ними пристально следят внимательные мамы. Только здесь детям позволено играть после того, как я вернулся домой. Один. В нашем городе много кто пропадает: кошки, собаки, дети. И никто не возвращается. Кроме меня и бабушки Элис. Мы вернулись, хотя и наполовину живые.

Сейчас я целыми днями лежу в кровати, с бледным лицом и слабым сердцем, пью лекарства, читаю книжки и слежу из окна спальни за игрой детей. Иногда сплю, но лишь когда это необходимо. Когда бодрствую, то могу хотя бы читать, смотреть телевизор, слушать разговоры матери с сестрами. Но во снах я возвращаюсь в большой белый дом на холме, где старые юркие существа окружают меня, а затем кидаются ко мне, и я вижу их лица.

Что касается бабушки Элис, то она считает тот день, когда она маленькой девочкой вошла в большой белый дом, торжественной датой. И по-прежнему благодарна, что ее пустили внутрь.

Наш папа называет ее старой дурой и не любит, когда она появляется у нас. Он не знает, что она сегодня здесь. Но когда исчезает ребенок или кто-то умирает, родственники зовут бабушку Элис к себе домой. «Она видит и чувствует то, чего никто из нас не видит и не чувствует», – говорит мама. Она просто хочет знать, что со мной случилось. Как и те две женщины-полицейские, как и матери двух пропавших прошлой зимой девочек, как и родители Пикеринга.

– Расскажи нам, малыш. Расскажи нам про дом, – просит бабушка Элис, улыбаясь. Никто из взрослых не любит говорить о красивом, высоком доме на холме. Даже наши папы, которые возвращаются с фабрики домой, пахнувшие пластмассой и пивом, смущаются, когда их дети говорят, что снова слышали женский плач. Плач, который раздавался откуда-то сверху и у нас в голове одновременно. Шел издали, с того холма, и в то же время у нас из груди. Наши родители уже больше не слышат этот плач, но помнят его с детства. Плач людей, запертых в том доме на холме и молящих о спасении. А когда никто не приходит на помощь, в их голосах начинает слышаться злость. «Чушь», – говорят родители, стараясь при этом не смотреть нам в глаза.

После «моего случая» я долго лежал в больнице без сознания. А когда очнулся, был настолько слаб, что оставался там еще три месяца. Постепенно правая сторона моего тела пришла в норму, и меня отпустили домой. Тогда и начались расспросы насчет моего приятеля, Пикеринга, которого так и не нашли. А теперь еще бабушка Элис хочет знать все, что я помню, и все о моих снах. Только я не знаю, что случилось по-настоящему, а что привиделось мне, когда я находился в коме.

* * *

Мы давно обсуждали наш поход. Мы с Пикерингом и Ричи, как и все мальчишки, хотели быть самыми смелыми в школе. Хотели забраться туда и утащить какое-нибудь сокровище, в доказательство тому, что побывали внутри, а не просто посмотрели сквозь ворота, как другие. Некоторые говорят, что белый дом на холме когда-то был тем местом, куда уходили на покой старые богатые люди, владевшие фабрикой, землей, нашими домами, нашим городом и нами. Другие говорят, что здание построили на месте старой нефтяной скважины и что почва там загрязнена. Учитель в школе рассказывал, что в особняке раньше располагался госпиталь и там все еще полно микробов. Наш папа говорил, что более ста лет назад в доме был приют для умалишенных и с тех пор он пустует, потому что разрушается, а на ремонт нет средств. Вот почему детям нельзя туда ходить: может завалить кирпичами или пол провалится под ногами. Бабушка Элис говорит, что это место, «куда приходят ангелы». Но все мы знаем, что это место, где можно пропасть без следа. На каждой улице города есть семьи, у которых пропали дети или домашние животные. И каждый раз полиция, обыскивавшая дом, ничего не находила. Никто не помнит, чтобы большие ворота перед домом были открыты.

Поэтому в пятницу утром, когда все дети пошли в школу, мы с Ричи и Пикерингом отправились в совсем другую сторону. Сначала пробирались огородами, где однажды нас с Пикерингом поймали за то, что мы сломали лежаки и опоры для вьющейся фасоли. Потом через лесок, где было полно битого стекла и собачьего дерьма. Переправились по мосту через канал, пересекли картофельное поле, пригнувшись, чтобы фермер не заметил. Перебрались через железнодорожные пути и шли, пока город совсем не скрылся из виду. Болтая про спрятанные сокровища, мы остановились возле старого фургона мороженщика со спущенными шинами. Побросали в него камни, почитали выцветшее меню на маленьком прилавке. И, истекая слюной, принялись делать воображаемые заказы. Из-за деревьев окружавшего поместье леса выглядывали трубы большого белого особняка.

Хотя Пикеринг все время шел впереди и хвастался, что не боится ни охранников, ни сторожевых собак, ни даже призраков – «Потому что их можно просто проткнуть рукой», – когда мы подошли к подножию лесистого холма, никто не произнес ни слова и все прятали

друг от друга глаза. В глубине души я не переставал верить, что у черных ворот мы повернем назад, поскольку травить байки про дом, планировать экспедицию и представлять себе всякие ужасы – это одно. А забраться внутрь – совершенно другое, потому что многие из пропавших детей говорили про этот дом накануне своего исчезновения. И некоторые взрослые парни, которые забирались туда смеха ради, возвращались немного не в себе. Наш папа говорил, что это из-за наркотиков.

Даже деревья там были какими-то другими – неподвижными и молчаливыми, а воздух – очень холодным. Мы поднялись по склону к высокой кирпичной стене, огораживавшей поместье. Ее верх был усыпан битым стеклом и затянут колючей проволокой. Мы шли вдоль стены, пока не оказались у черных железных ворот. Высотой они превосходили дом, а их изогнутый верх заканчивался железными шипами. Две удерживающие их колонны венчали большие каменные шары. При виде таблички с надписью «ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ. ПОСТОЯННЫМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН» по спине у меня пробежал холодок.

– Я слышал, эти шары падают на головы тех, кто пытается проникнуть в поместье, – сказал Ричи. Я слышал то же самое. Но когда Ричи произнес это, я понял, что он не пойдет с нами в дом.

Схватившись за холодные черные прутья ворот, мы разглядывали мощенную плитами дорожку, поднимающуюся по холму между деревьев, и старые статуи, полускрытые ветвями и сорняками. Некошенная трава на лужайках была мне по пояс, а цветочные клумбы разрослись буйным цветом. На вершине холма стоял высокий белый дом с большими окнами, в стеклах которых отражался солнечный свет. Небо над трубами было ярко-голубым.

– Там жили принцессы, – прошептал Пикеринг.

– Ты видишь кого-нибудь? – спросил Ричи. Он весь дрожал от возбуждения, и ему захотелось по-маленькому. Он попытался пописать на кусты крапивы – тем летом мы объявили осам и крапиве войну, – но в результате обмочил себе штаны.

– Нет там ничего, – прошептал Пикеринг, – кроме спрятанных сокровищ. Брат Даррена приволок оттуда сову в стеклянном футляре. Я сам видел. Как живая. По ночам крутит головой.

Мы с Ричи переглянулись. Каждый из нас слышал о животных и птицах в стеклянных футлярах, которых находили в этом доме. Рассказывали, что дядя кого-то из детей, когда был маленьким, нашел там ягненка без шерсти, заключенного в контейнер с зеленой водой. Он все еще мигает своими маленькими черными глазами. А кто-то будто бы нашел детские скелеты в старомодной одежде, и они держались за руки.

Ерунда все это; я знаю, что там на самом деле внутри. Пикеринг ничего не видел, но если бы мы возразили ему, он бы стал орать: «Нет, видел! Нет, видел!», а мы с Ричи не обрадовались бы крикам у ворот.

– Давайте просто постоим и посмотрим. А в дом можем пойти и в другой день, – предложил Ричи.

– Да ты просто сдрейфил! – Пикеринг пнул его по ноге. – Всем расскажу, что Ричи обмочил штаны.

Ричи побледнел, его нижняя губа задрожала. Как и я, он представил себе толпы налетевших детей, кричащих «Зассыха! Зассыха!». Трусов отовсюду гонят, трусов не зовут играть, и им приходится наблюдать со стороны, как последним неудачникам. Каждый ребенок в городе знает, что дом забирает братьев, сестер, кошек и собак. Но когда с холма доносится плач, мы считаем своим долгом заставить друг друга пойти туда. Так уж повелось. Пикеринг принадлежал к числу самых отчаянных ребят и не мог не пойти.

Отступив назад и смерив взглядом ворота, он произнес:

– Я полезу первым. А вы смотрите, где я хватаюсь руками и куда ставлю ноги.

Перебрался он через ворота довольно быстро. Немного замешкался наверху, когда нога попала между двух шипов, но вскоре уже стоял на другой стороне, ухмыляясь нам. Теперь я видел, что в ворота как будто была встроена маленькая лесенка. Металлические стебли обвивали длинные стержни, образуя ступени для маленьких рук и ног. Я слышал, что маленькие девочки всегда находили в кирпичной стене тайную деревянную дверцу, которую потом никто не мог отыскать. Но это могли быть просто очередные байки.

Если б я не полез, а поход увенчался успехом, я до конца жизни был бы «засыхой» и жалел, что не пошел с Пикерингом. Мы могли бы стать героями. Меня переполняло то же самое сумасшедшее чувство, которое заставляло забираться на самую вершину дуба, смотреть на звезды и на несколько секунд разжимать руки, зная, что если упаду, то разобьюсь насмерть.

Когда я карабкался вверх, оставив позади что-то шепчущего Ричи, ворота подо мной скрипели и стонали так громко, что наверняка слышно было и на холме, и в самом доме. Когда я добрался до верха и приготовился перекинуть ногу на другую сторону, Пикеринг пошутил:

– Смотри не оторви себе яйца этими шипами.

Я не то что не улыбнулся, я не мог даже дышать. Ворота были выше, чем казалось с земли. Ноги и руки у меня дрожали. Я перенес одну ногу через шипы, и к горлу вдруг подступила паника. Я представил, что, если сейчас сорвусь, шип проткнет мне бедро и я буду висеть на воротах, истекая кровью. Я посмотрел на дом и почувствовал, что за каждым окном скрывается наблюдающее за мной лицо.

Мне сразу вспомнились все те истории про белый дом на холме: что видишь только красные глаза твари, которая высасывает из тебя кровь, что там прячутся педофилы и мучают пленников по несколько дней, прежде чем закопать заживо, и поэтому детей никогда не находят; и что существо, плач которого мы слышим, только сначала выглядит как прекрасная женщина, но как только оно обнимет тебя, тут же меняет свой облик.

– Давай быстрее. Это легко, – поторопил меня Пикеринг.

Я медленно перенес вторую ногу через шипы и спустился вниз. Пикеринг был прав. Перелезть через ворота оказалось совсем не сложно. Даже маленьким детям под силу.

Я стоял под палящими лучами с другой стороны ворот и улыбался. Здесь солнечный свет был ярче, поскольку отражался от белой кладки и окон дома. А воздух – каким-то странным, очень густым и теплым. Когда я посмотрел сквозь ворота на Ричи, мир вокруг него казался серым и мрачным, словно с той стороны наступила осень. Ричи стоял и покусывал нижнюю губу. Трава под моими ногами так блестела на солнце, что на нее было больно смотреть. Алые, желтые, лиловые, оранжевые и лимонные вспышки цветов плыли перед глазами, и лето ощущалось на языке. Вокруг деревьев, статуй и подъездной дорожки висело марево. Было так тепло, что по телу у меня прошла легкая дрожь. Закрыв глаза, я произнес:

– Как красиво.

Это слово я обычно не произносил при Пикеринге.

– Хотел бы я здесь жить, – сказал он и широко улыбнулся.

Мы оба рассмеялись и обнялись, чего никогда раньше не делали. Все мои прежние тревоги казались ничтожными. Я почувствовал, будто стал выше и могу идти куда угодно и делать все, что захочу. Знаю, Пикеринг почувствовал то же самое. Ричи что-то сказал, но что бы это ни было, его слова показались нам глупыми, и сейчас я их даже не помню.

Защищенные нависающими ветвями деревьев и высокой травой, мы стали подниматься к дому, держась края дорожки. Но спустя какое-то время я начал немного нервничать. Дом оказался больше, чем мне представлялось раньше. И хотя мы никого не видели и ничего не слышали, я чувствовал, будто мы попали в тихое, но многолюдное место, и на нас смотрит множество глаз. Следит за нами.

Мы остановились возле первой статуи, не полностью скрытой зеленым мхом и мертвыми листьями. Сквозь ветви дерева сумели разглядеть двух каменных детей, стоящих обнаженными

на мраморном постаменте. Мальчика и девочку. Они улыбались, но как-то не по-доброму; их улыбки больше напоминали оскал.

– У них вскрыта грудь, – сказал Пикеринг. И оказался прав. Каменная кожа на груди у каждой статуи была оттянута в стороны, а в вытянутых, сложенных лодочкой руках лежали комочки с прорезанными в мраморе кровеносными сосудами – их маленькие сердца. Хорошее настроение, посетившее меня у ворот, куда-то улетучилось.

Солнечный свет, проникавший сквозь деревья, ронял на нас полосы света и тени. С выпученными глазами и пересохшими ртами мы двинулись дальше, осматривая некоторые статуи, встречавшиеся на пути. Мы не могли удержаться. Статуи будто притягивали взгляды, заставляли догадываться, что за фигуры выглядят из-за листвы, веток и плюща. Там было какое-то жуткое, закутанное в ткань существо, выглядевшее слишком реалистично для каменного изваяния. Его лицо было настолько отвратительным, что я не смог долго на него смотреть. Когда я стоял под этим существом, мне почудилось, что оно раскачивается из стороны в сторону, готовясь прыгнуть на нас с постамента.

Пикеринг, идущий впереди, остановился и посмотрел на следующую статую. Помню, он сжегился в тени фигуры и устался себе под ноги, будто боялся поднять глаза. Я встал рядом с ним, но тоже не смог долго смотреть на статую. Рядом с уродливым типом в накидке и большой шляпе стояла маленькая фигурка в рясе с капюшоном, из рукавов у которой торчали какие-то похожие на змей отростки.

Идти дальше мне уже не хотелось; я знал, что эти статуи еще долго будут мне сниться в кошмарах. Оглянувшись на ворота, я удивился тому, насколько сильно мы от них отделились.

– Я, наверное, пойду назад, – сказал я Пикерингу.

Тот даже не стал называть меня трусом. Не хотел ссориться и оставаться один.

– Давай просто заглянем в дом по-быстрому, – предложил он. – Стащим оттуда что-нибудь. Иначе никто не поверит.

Одна мысль о приближении к белому особняку с его зрячими окнами заставила меня занервничать. Дом был четырехэтажным, и в нем, похоже, были сотни комнат. Окна верхних этажей были темными, поэтому за ними ничего не было видно. Нижние кто-то заколотил досками от посторонних.

– Нет там никого, зуб даю, – сказал Пикеринг, пытаясь подбодрить нас. Но на меня это не подействовало. Он уже не казался таким смысленным и крутым, как раньше. Просто глупый мальчишка, который не понимает, что творит.

– Не-а, – сказал я.

Он отошел от меня.

– Ладно, я пойду один. А потом расскажу всем, как ты остался ждать снаружи.

Его голос звучал слишком мягко для обычной угрозы. И все же я представил его ликующую рожу, когда нас с Ричи назовут засыхами. Несмотря на то что я перелез через ворота и зашел так далеко, моя роль будет ничтожной, если Пикеринг дальше пойдет один.

На статуи мы больше не смотрели. В противном случае вряд ли дошли бы до ступеней, ведущих к огромным железным дверям особняка. Впрочем, дорога не заняла много времени. Мы шли медленно и неохотно, но все равно преодолели весь путь очень быстро. На ватных ногах я проследовал за Пикерингом.

– Зачем двери сделаны из металла? – спросил он.

Ответа у меня не было.

Пикеринг надавил обеими руками на ручки. Одна из них скрипнула, но не открылась.

– Заперто, – констатировал Пикеринг.

Но когда он снова толкнул дверь, на этот раз навалившись всем телом, я заметил, что в окне второго этажа что-то мелькнуло. Какая-то бледная фигура. Как будто она появилась

из темноты и нырнула обратно, быстро, но грациозно. Словно всплывающий на поверхность темного пруда карп, который тут же исчезает, едва блеснув белой спиной.

– Пик! – прошептал я.

Тут в двери, на которую навалился Пикеринг, что-то лязгнуло.

– Открыто, – воскликнул он, уставившись в узкую щель между железных створок.

Я не мог отделаться от мысли, что дверь открыли изнутри.

– Я бы не ходил, – сказал я. Он улыбнулся и махнул мне, чтобы я подошел и помог ему. Я остался стоять на месте, глядя на окна верхних этажей. Открывающаяся дверь издала скрежещущий звук. Не говоря ни слова, Пикеринг вошел в дом.

Тишина была такая, что в ушах у меня гудело. По лицу стекали струйки пота. Хотелось убежать к воротам.

Лицо Пикеринга вновь появилось в дверном проеме.

– Давай быстрее. Посмотри, сколько тут птиц, – произнес он, задыхаясь от возбуждения, и снова исчез.

Я заглянул в дом и увидел огромный пустой холл с лестницей, ведущей на второй этаж. Пикеринг стоял посреди помещения и смотрел на пол. Деревянные половицы были устланы высохшими трупиками птиц. Сотнями мертвых голубей. Я зашел внутрь.

В холле не было ни ковров, ни штор, ни ламп – лишь белые стены и две закрытые двери напротив друг друга. Птицы были очень тощими, у большинства сохранились перья, от других остались только кости. Некоторые уже превратились в прах.

– Залетают сюда и не могут найти еду, – объяснил Пикеринг. – Нужно будет собрать черепа.

Он по очереди подошел к каждой двери и подергал ручки.

– Заперто, – сказал он. – Обе заперты. Давай поднимемся по лестнице. Посмотрим, нет ли чего в комнатах.

Я вздрагивал при каждом скрипе ступеней, поэтому попросил Пикеринга идти с краю, как я. Но он меня не послушал и побежал вверх, топая как слон. Когда я догнал его на первом повороте, меня снова посетило странное чувство. Стало душно и жарко, словно мы оказались в каком-то тесном пространстве. Преодолев всего один пролет, мы оба буквально взмокли от пота. Мне пришлось прислониться к стене.

Пикеринг посветил фонариком на второй этаж. Мы увидели лишь голые стены пыльного коридора. Откуда-то сверху проникал слабый солнечный свет, но его было недостаточно.

– Идем, – сказал Пикеринг, не оборачиваясь.

– Я на улице, – сказал я. – Мне нечем дышать. – Но, начав спускаться, я услышал, как где-то внизу что-то со скрипом открылось и закрылось. Я замер и услышал, как в ушах стучит кровь. Меня прошиб ледяной пот. Что-то очень быстро наискось пересекло столб света, падающий сквозь открытую входную дверь.

В глазах у меня закололо, голова закружилась. Боковым зрением я видел лицо Пикеринга, глядящего на меня сверху, со следующего лестничного пролета. Он с громким щелчком выключил фонарик.

Существо в холле двинулось снова, в обратном направлении, но задержалось у края полосы света. И принялось нюхать грязный пол. От одной его манеры двигаться мне стало дурно, и я готов был упасть в обморок. Мне показалось, что это женщина, хотя у людей в таком преклонном возрасте сложно определить пол. Голова была почти лысой, а кожа – желтого цвета. Существо больше походило на куклу, сделанную из костей и облаченную в грязную ночную рубашку, чем на пожилую даму. Да и как пожилые дамы могут двигаться так быстро? Оно перемещалось боком, как краб, все время глядя на дверь, поэтому лица я разглядеть не мог. Что, впрочем, к лучшему.

Я был уверен, что если побегу, существо непременно посмотрит вверх и увидит меня. Поэтому я сделал два осторожных шага и зашел за угол следующего лестничного пролета, где уже прятался Пикеринг. У него был вид, будто он изо всех сил пытается не расплакаться. Я вспомнил о каменных статуях детей на улице и о том, что они сжимали в своих маленьких ручках, и тоже едва сдержал слезы.

Потом мы услышали, как внизу открылась другая дверь. Прижавшись друг к другу и дрожа от страха, мы заглянули за угол пролета, хотели убедиться, что существо не идет за нами. Но внизу была уже другая тварь. Я увидел, как она суетится возле двери, словно курицанаседка, и закричал бы, если б у меня не перехватило дыхание.

Эта тварь двигалась быстрее, чем первая, с помощью двух черных палок. Скрюченная и горбатая, облаченная в пыльное черное платье, подол которого волочился по полу. Проглядывающее сквозь вуаль лицо было худым и болезненно бледным, как личинки жуков, которых мы находили под отсыревшей корой деревьев. А когда она издала свистящий звук, мои уши пронзила боль и кровь застыла в жилах.

Лицо у Пикеринга перекосило от страха, оно так побледнело, что было видно одни глаза.
– Это же старушки? – спросил он надломленным голосом.

Я схватил его за руку.

– Нужно выбираться отсюда. Может, с другой стороны есть окно или еще одна дверь?

Если это так, мы должны подняться по лестнице, пробежать через все здание и найти другой путь на первый этаж, и только тогда сможем выбраться.

Я снова посмотрел вниз, чтобы проверить, что *они* делают, и тут же пожалел об этом. Теперь там было еще двое. Высокий человек с похожими на ходули ногами поднял на нас неподвижное лицо. У него не было ни губ, ни носа, ни век. Он был одет в мятый костюм, на поясе висела золотая цепочка для часов. Перед ним стояло плетеное кресло на колесах, в котором лежал сверток, завернутый в клетчатые одеяла. Из-под одеял выглядывала маленькая голова в кепке с лицом желтым, как консервированная кукуруза. Первые двое стояли возле открытой двери, так что путь к отступлению был отрезан.

Мы бросились вверх по лестнице в еще более жаркую тьму. Тело у меня стало каким-то тяжелым и неловким, ноги подгибались. Пикеринг с фонариком бежал впереди и локтями не давал мне обогнать его. Я наткнулся на его спину, запинался об его лодыжки и сквозь его учащенное дыхание слышал, как он давится слезами.

– Они гонятся за нами? – спрашивал он не переставая. У меня не хватало воздуха в легких, чтобы ответить ему. Мы бежали по длинному коридору мимо десятков закрытых дверей. Я старался смотреть только вперед и знал, что окаменею от ужаса, если одна из дверей откроется. Мы с Пикерингом топали так громко, что я совсем не удивился, когда услышал за спиной щелчок открывшегося замка. Мы обернулись на звук – и это было нашей ошибкой.

Сперва нам показалось, что существо нам машет. Но потом поняли, что костлявая дама в грязной ночной рубашке двигает своими длинными руками, чтобы привлечь внимание других тварей, поднимающихся по лестнице вслед за нами. Мы услышали доносящееся из темноты суетливое шарканье ног. Я удивился, как эта тварь сумела разглядеть нас сквозь грязные бинты, которыми была замотана ее голова. Снова раздался жуткий свист, и тут же стали открываться другие двери, будто выпуская спешащих из комнат тварей.

В конце коридора виднелась еще одна лестница, освещенная чуть больше благодаря свету, проникавшему сквозь окно тремя этажами выше. Но стекло, похоже, было грязным, потому что на лестнице меня посетило чувство, будто мы оказались под водой. Когда Пикеринг повернулся, перед тем как броситься вниз по лестнице, я увидел, что лицо у него блестит от слез, а по одной штанине расплзается темное пятно.

Спускаться вниз оказалось невероятно тяжело. Будто у нас совсем не осталось сил, будто страх высосал их подчистую. Но не только он мешал бежать. Воздух казался настолько сухим

и спертым, что было тяжело дышать. Рубашка у меня прилипла к спине, подмышки взмокли. Волосы у Пикеринга были влажными, он сильно сбавил скорость, и я обогнал его.

Спустившись с лестницы, я вбежал в другой длинный пустой коридор с закрытыми дверями, из конца которого шел сероватый свет. Решив немного передохнуть, я согнулся пополам и уперся руками в колени. Но бежавший сзади Пикеринг врезался в меня и сбил с ног. Он перепрыгнул через меня, при этом наступив мне на руку.

– Они идут, – в слезах проскулил он и поковылял дальше по коридору.

Поднявшись на ноги, я последовал за ним. Хотя эта идея мне не нравилась, поскольку, если некоторые из них остались ждать нас в холле у входных дверей, а другие зайдут к нам с тыла, мы окажемся в ловушке. Я даже подумал о том, чтобы открыть дверь в одну из комнат и выбить доски на окне. Когда мы бежали по коридору, из них выходили словно разбуженные шумом твари. Из некоторых, но не из всех. Так что, возможно, стоило попытаться счастья за одной из дверей.

Я окликнул Пикеринга. Вместо оклика у меня получился какой-то сип, как у школьного астматика Билли Скида. Поэтому, видимо, Пикеринг меня не услышал, поскольку продолжал бежать. Когда я гадал, какую дверь выбрать, раздался тоненький голосок:

– Можешь спрятаться здесь, если хочешь.

От неожиданности я подпрыгнул с криком, словно наступил на змею, и уставился туда, откуда донесся голос. Из щели между дверью и рамой выглядывало лицо маленькой девочки. Она улыбнулась и открыла дверь шире.

– Они тебя здесь не найдут. Мы можем поиграть с моими куклами.

У нее было очень бледное лицо, на голове – черный чепчик, украшенный бантиками. Глаза казались покрасневшими, словно она долго плакала.

Грудь у меня ныла, глаза жгло от пота. Пикеринга все равно уже было не догнать. Из темноты доносился топот его ног. Я понял, что больше бежать не могу, поэтому кивнул девочке. Она отошла в сторону, пропуская меня. Подол ее платья скользнул по пыльному полу.

– Быстрее, – с возбужденной улыбкой произнесла она, затем выглянула в коридор, проверить, не идет ли кто. – Большинство тут слепые, но слух у них хороший.

Я вошел в дверь. Оказавшись рядом с девочкой, я почувствовал странный запах. Так же пах раздавленный труп кошки, который я нашел в лесу однажды летом. И еще этот смрад чем-то напоминал старый бабушкин комод со сломанной дверцей и маленькими железными ключиками в неработающих замках.

Девочка тихо закрыла за нами дверь и двинулась в комнату, высоко подняв голову, словно «маленькая леди», как сказал бы мой папа. Свет пробивался в комнату из красно-зеленых окон, расположенных под самым потолком. Сверху свисали две большие цепи со светильниками без лампочек. В конце помещения находилась сцена с натянутым зеленым занавесом, по переднему краю которой располагались софиты. Наверное, здесь когда-то был танцевальный зал.

Высматривая выход, я проследовал за маленькой девочкой в черном чепчике к сцене, и мы поднялись по одной из боковых лестниц. Она бесшумно скрылась за занавесом. Я пошел за ней, поскольку больше идти мне было некуда и я нуждался в друге. От занавеса пахло так плохо, что, пробираясь за него, мне пришлось зажать рот руками.

Девочка расспросила, как мое имя и где я живу. И я рассказал ей все, словно отчитывался перед учителем, который застукал меня за чем-то нехорошим. Даже назвал номер дома.

– Мы не хотели влезать сюда, – сказал я. – Мы ничего не украли.

Девочка склонила голову набок и нахмурилась, словно пыталась вспомнить что-то. Затем улыбнулась и сказала:

– Все эти игрушки – мои. Я их нашла.

Она указала на кукол, лежащих на полу, – маленькие фигурки людей, которые было плохо видно из-за темноты. Усевшись среди них, девочка принялась поднимать их по очереди

и показывать. Но я слишком нервничал и не обращал внимания на игрушки. К тому же мне не нравился вид какого-то матерчатого существа с вытертым, свалявшимся мехом. У него были стежки вместо глаз, уши отсутствовали. Руки и ноги казались непропорционально длинными. Вдобавок существо все время держало голову прямо, словно смотрело на меня.

Остальная часть сцены у нас за спиной была погружена в темноту. Виднелся лишь слабый отблеск белой стены вдалеке. Посмотрев со сцены на заколоченные окна, расположенные по правую сторону от танцпола, я увидел по краям двух листов фанеры, закрывающих застекленные двери в сад, полосы яркого солнечного света. А еще оттуда веяло свежим воздухом. Похоже, через эти двери кто-то уже проникал сюда.

– Мне нужно идти, – сказал я девочке, шепчущейся со своими игрушками у меня за спиной. Но только я собрался выбраться из-за занавеса, как из коридора, по которому мы с Пикерингом только что пробежали, донесся страшный шум: шарканье ног, стук палок, скрип колес и улюлюканье. И этому параду, казалось, не было конца. Параду, который я не хотел смотреть.

Когда толпа пронеслась мимо, главная дверь со щелчком открылась, и внутрь скользнуло какое-то существо. Я отпрянул от занавеса вглубь сцены и затаил дыхание. Девочка продолжала бормотать что-то своим отвратительным игрушкам. Мне захотелось зажать себе уши. В голову пришла безумная мысль положить всему этому конец; мне даже захотелось выйти из-за занавеса и сдаться высокой фигуре на танцполе. Держа над головой потрепанный зонтик, та быстро вращалась, словно на крошечных бесшумных колесиках, скрытых под длинными грязными юбками, приносиваясь, разыскивая меня. Под белой вуалью, прикрепленной к краю полуистлевшей шляпы и заправленной под воротник платья, я увидел фрагмент лица, напоминавшего корку рисового пудинга. Если б в легких у меня был воздух, я бы закричал.

Я оглянулся на девочку. Но она пропала. На полу, на том месте, где она сидела, извивалось какое-то существо. Я быстро заморгал глазами. И на мгновение мне показалось, будто все игрушки задрожали. Но когда я посмотрел на Голли – куклу с пучками белых вьющихся волос на голове, та лежала неподвижно на том самом месте, где ее оставила хозяйка. Девочка спрятала меня, но я был рад, что она исчезла.

Вдруг из душейной глубины огромного дома донесся крик. Крик, полный паники, ужаса и вселенской скорби. Фигура с зонтиком еще немного покружила по танцполу, а затем бросилась из комнаты на звук.

Я выскользнул из-за занавеса. Теперь издали доносилась какая-то оживленная болтовня. Она постепенно нарастала, эхом отдаваясь в коридоре, комнате, и почти заглушала крики рыдающего мальчика. Его вопли кружили, отскакивая от стен и закрытых дверей, будто он бежал где-то в глубине дома по кругу, из которого не мог вырваться.

Я осторожно спустился по лестнице сбоку сцены и подбежал к длинной полоске жгучего солнечного света с одной стороны от застекленных дверей. Потянул на себя лист фанеры. Тот треснул, явив мне дверную раму с разбитым стеклом, а за ней – густые заросли травы.

Впервые с того момента, как я увидел скребущуюся у парадного входа старуху, я по-настоящему поверил, что смогу спастись. Представил, как выбираюсь в проделанную дыру и бегу вниз по склону к воротам, пока все твари заняты в доме плачущим мальчиком. Но как только дыхание у меня участилось от радости скорого спасения, я услышал у себя за спиной глухой удар, будто что-то упало на танцпол со сцены. По подошве ног пробежала мелкая, щеко-чущая дрожь. Затем я услышал, как что-то быстро приближается ко мне, словно волочась по полу.

Я был не в силах оглянуться и увидеть перед собой еще одну тварь, поэтому ухватился за не прибитый край фанерного листа и потянул изо всех сил. Образовалась щель, в которую я начал протискиваться боком. Сперва нога, потом бедро, рука и плечо. Внезапно на меня хлынули теплый солнечный свет и свежий воздух.

Я уже почти выбрался, когда тварь вцепилась мне в левую подмышку. Пальцы были такими холодными, что кожу обожгло. И хотя лицо у меня было обращено к свету, в глазах потемнело. Лишь мерцали белые точки, которые появляются, когда встаешь слишком быстро.

Меня затошнило. Я попытался вырваться, но половина тела будто отяжелела, а кожу кололо иголками. Я отпустил фанерный лист, и тот захлопнулся, как мышеловка. Я услышал у себя за спиной какой-то хруст, и тварь заверещала мне прямо в ухо. От этого визга я оглох на целую неделю.

Я сел на траву, и меня вырвало прямо на джемпер. Кусочками спагетти и какой-то белой, ужасно пахнущей слизи. Оглянувшись, я увидел торчащую между листом фанеры и дверной рамой костлявую руку. Я заставил себя откатиться в сторону, затем поднялся на колени.

Направившись в сторону парадного входа и ведущей к воротам дорожки, я обратил внимание на ноющую боль в левом боку. Плечо и бедро уже не кололо, но они будто онемели. Идти было тяжело, и я испугался, что у меня могут быть сломаны кости. Я весь вспотел, меня знобило. Хотелось лечь в высокую траву. Меня стошнило еще два раза. Теперь выходила одна желчь.

Возле парадного входа я лег на здоровый бок и пополз вниз по холму. Трава была очень высокой, поэтому полз я очень медленно. Старался держаться дорожки, чтобы не заблудиться. На дом оглянулся лишь раз – и тут же пожалел об этом.

Одна створка парадных дверей была все еще открыта. Я увидел в проеме беснующуюся толпу; солнечный свет падал на их грязные лохмотья. С улюлюканьем они над чем-то дрались. Над какой-то маленькой темной фигуркой. Она выглядела безжизненно обмякшей, и тощие хваткие руки рвали ее на куски.

* * *

Бабушка Элис, сидящая в изножье моей кровати, закрыла глаза. Но она не спит. Просто тихо сидит и гладит свою кукольную ручку, словно это самое дорогое, что у нее есть.

Исконный обитатель

Причины кризиса среднего возраста у мужчин хорошо задокументированы, поэтому мне нет нужды досаждать читателю чересчур подробным толкованием этого недуга. Но последствия, связанные с конвульсиями юности и попытками человека получить более четкое осознание собственной смертности, в случае с Уильямом Аттертоном оказались катастрофическими. Известие о его дилемме дошло до меня через Генри Берринджера.

Уильям Аттертон, Генри Берринджер и я были стипендиатами колледжа в Сент-Леонард и состояли в одних и тех же объединениях выпускников, включая клуб в Сент-Джеймс, где мы с Генри обычно обедали первую пятницу каждого месяца, после чего прогуливались с сигарами вдоль улицы Мэлл. В нашем обеденном ритуале было много предсказуемых аспектов, главным из которых являлось обсуждение Аттертона и его нестабильного образа жизни.

В конце июня Генри поделился со мной последними новостями насчет Аттертона. Всего пару недель назад Генри наткнулся в Ковент-Гарден на нашего общего знакомого, несущего огромную стопку туристических книг и руководств по автономному образу жизни. За импровизированным ланчем Аттертон рассказал Генри о своем намерении порвать с городской жизнью и начать вести «более простое существование в субарктических лесах Северной Швеции. Как минимум четыре сезона. Я проживу там целый год. И впервые за все это время буду осознавать, что происходит вокруг меня, Генри. Изменения природы, небо, пение птиц, сам воздух...»

«Снег и лед», – вынужден был вставить Генри.

«Да, черт побери! Снег и лед. А между делом я буду с любовью разглядывать каждый кристаллик и снежинку».

«Чего там будет предостаточно, – сказал Генри, – а не разумнее было бы поехать туда на пару недель или хотя бы на месяц?»

«Нет же! Я еду не для того, чтобы обо мне говорили: „Глядите, какой молодец, прожил в хижине один целых две недели!“ Ты не понимаешь, Генри, но я все больше осознаю, что вся моя жизнь состояла из компромиссов и полумер. Честно говоря, я не уверен, была ли у меня когда-нибудь собственная настоящая мечта. Не могу даже вспомнить, как я стал таким или что я хотел сделать в жизни. Но я знаю одно: за тридцать лет в Сити я ничего не сделал».

Услышав эти новости, я тут же сделал такие же выводы, как и Генри. Мы оба не знали, от чего именно убегает Аттертон на этот раз, поскольку его план определенно имел все признаки побега, и тому было множество причин. Не хочу опускаться до сплетен, но Аттертон постоянно влипал в какие-то проблемы. Особенно касающиеся чужих карманов. Несколько лет назад из-за его афер с недвижимостью кое-кто из его близких друзей лишился значительных сумм денег. Утверждалось, что он был причастен к быстрому закрытию одного ресторана. А его махинации с несколькими счетами привели к разорению как минимум одного пенсионного фонда. Кроме финансовых проблем, в начале его так называемого *кризиса* имелись свидетельства его романа с женой одного друга и любовной связи с дочерью коллеги, работавшей в его фирме стажером, и это с промежутком от силы в пару дней. Что касается его ухода из компании, то в Сити поговаривали, что оно было не совсем добровольным.

Но в ходе обсуждения этого скандинавского мероприятия Генри никогда не видел у друга столь воодушевленного лица. Он описывал глаза Аттертона как светящиеся чем-то сродни эйфории. Аттертон был тверд в своем решении.

«И что, осмелюсь спросить, ты будешь делать в лесу целый год?» – спросил его Генри, вскоре после того, как оплатил счет за их ланч. Это был единственный вопрос, который Аттертон хотел услышать на эту тему. Наряду с его любовью к книге Генри Торо «*Уолден, или Жизнь в лесу*» и пешим турпоходом по Скандинавии, который он восхвалял еще со студенчества,

Аттертон отметил следующее: «Буду гулять. Плавать в Альваре. Спать на улице. Исследовать. Вернусь к рисованию. Я не касался карандаша уже двадцать лет. Мне часов в сутках не хватит. И видел бы ты жилище, которое я приобрел для своего изгнания, Генри. Его называют *фрити-дсюз*, или *стуга*, что означает „летний дом“. Он находится в тридцати километрах от ближайшего города, в доисторическом лесу, пестрящем рунными камнями. Там есть даже деревянная церковь, относящаяся к четырнадцатому веку. К концу лета сотру себе локоть, делая графитом мемориальные отпечатки».

Генри начинал уже разделять воодушевление Аттертона и почувствовал первые уколы зависти, пока не спросил, как они смогут оставаться на связи.

«А вот тут загвоздка, Генри. Там, куда я направляюсь, нет мачт сотовой связи. Я даже не подключен к электросети. Воду для ванны буду брать из колодца, генератор заправлять мазутом и готовить свежепойманную рыбу на дровяной печи. Все очень просто. Я планирую проводить вечера возле костра за чтением книг, Генри. Для начала беру полное собрание сочинений Диккенса и Толстого. Так что полагаю, общаться будем посредством переписки».

Генри – не тот человек, который станет губить оптимизм друга, но когда Аттертон озвучил свои планы по изоляции себя в глуши чужой страны, он был полон достойного школьного учителя подозрения, что продумано далеко не все.

«Я хочу снова пройти испытание, Генри. Настоящее испытание». Испытание ему и выпало – но совсем не такое, какого он ожидал.

* * *

Итак, в начале августа отважившийся жить в дикой глуши Аттертон в сопровождении большой коллекции книг и нескольких ящиков с теплой одеждой оставил Генри, возложив на него задачу проверять его холостяцкую квартиру в Челси, время от времени спуская воду в унитазе, и вести в его отсутствие кое-какие дела. А ближе к концу августа началась их переписка. Но общение быстро свернуло с намеченного курса.

Остаток лета и большую часть осени я провел за границей, но по возвращении мы с Генри возобновили нашу традицию встречаться в первую пятницу месяца. Однако мой дорогой друг сильно изменился. По его просьбе мы заняли столик рядом с кухнями клубной столовой, а не наши обычные места с видом на Грин-парк. За обедом Генри также проявлял все признаки высокой степени возбуждения, которое лишь частично унялось, когда сотрудники клуба задвинули шторы.

«Говорю тебе, я устал от чертовых деревьев на сильном ветру», – сказал он, отмечая мое предложение прогуляться вдоль Мэлла. Вместо этого мы удалились в библиотеку с графитом бренди, где он пообещал объяснить свое настроение и посвятить меня в летние события, послужившие причиной его дискомфорта. Сразу же стало очевидно, что, по уже заведенной традиции, единственной темой разговора должен был быть Аттертон, или «бедный Аттертон», как Генри сейчас его называл. Только на этот раз история, рассказанная Генри, отличалась от любой другой, слышанной мной. И определенно повлияла на мое решение взять такси до дома в Найтсбридж, забыв об обычной прогулке домой вдоль зеленого периметра Гайд-парка.

«Я хорошо понимаю желание утонченного человека уединиться в природной среде. И даже его стремление к историческому образу жизни. Но я боялся, что дефицит или, в случае с Аттертоном, полное отсутствие общества приведет к избытку внутреннего диалога, что закончится лишь полным уходом в себя. И за время нашей короткой переписки выяснилось, что именно это и постигло беднягу.

От него было три письма, и лишь первое содержало какой-то след первоначального энтузиазма по поводу его шведского предприятия. Возможно, я склонен недооценивать моего товарища, но вовсе не выбор припасов, добыча топлива, работа генератора или способность

ориентироваться на местности доставили ему неприятности. Наоборот, за вторую неделю его нахождения там он снял с фасада жуткое украшение из лошадиных подков, перекрасил дом в традиционный для той местности темно-красный свет и заменил шифер на крыше с энтузиазмом, достойным скаута, отправившегося в поход. В светлые ночи он путешествовал, начал ловить рыбу в местных водах и дочитал „Холодный дом“ и „Крошку Доррит“ Диккенса.

Но прочитав второе письмо, я не мог избавиться от подозрения, что Аттертон начал испытывать беспокойство в окружающей его среде. Долина – находящаяся в северо-восточной части провинции Емтланд и достигавшая не более двадцати километров в поперечнике – была полностью отрезана от внешнего мира. То есть в этом-то и был весь смысл уехать подальше. Но немногочисленное, в основном пожилое население местности, казалось, проявляло сознательное упрямство, оставаясь оторванным от современной Швеции.

Несмотря на невероятную красоту земли и обилие диких животных, Аттертон верил, что местные категорически настроены держать туристов на порядочном расстоянии. Шведский у Аттертона был почти на нуле, а местный английский был нетипично беден для Скандинавии. Поэтому тот маленький контакт, который у него получалось наладить с ближайшими соседями – исключительно во время своих прогулок до границы долины, – он нашел категорически неудовлетворительным. Люди там либо посещали какую-то протестантскую секту с фанатичным уклоном, либо до абсурдной степени почитали какие-то фольклорные традиции. Они проводили слишком много времени в церкви. И любое здание, ограда или ворота, на которые он наткнулся в своих странствиях, были украшены железными подковами.

И более того, они будто испытывали по поводу него беспокойство. Опасались не его, а за него. И он чувствовал это. Пару раз, в универмаге и на почте, до которых ему приходилось ходить по десять километров, он слышал что-то про „плохую землю“ и „дурной знак“. Один старик, немного научившийся английскому в торговом флоте, посоветовал ему уехать до конца сентября, вместе с немногочисленными туристами, бывающими в тех местах летом, пока не наступила длинная ночь. В равной степени его тревожило то, что другие шведы, казалось, только были рады избегать этого места. Что странно, учитывая множество рунных камней и несколько древних деревянных церквей, рассыпанных по лесам. Даже отмеченные на всех картах тропы для туристов, казалось, огибали этот край.

Однако Аттертон признавал, что его интерес к региону значительно превышал его опасения. Это замечание прозвучало для меня как сигнал тревоги, учитывая то, как наш общий друг может быть невосприимчив к разуму и логике в своих мимолетных увлечениях.

Так или иначе, прошло еще четыре недели, прежде чем я получил очередное письмо. И едва прочитав его наспех нацарапанное послание, я помчался просматривать расписание самолетов и изучать вопрос автопроката в Северной Швеции.

Вот. Смотри сам». – Генри протянул мне третье письмо от Аттертона.

Дорогой Генри.

Я планирую уехать отсюда до конца недели. Предполагаю, что прибуду в Лондон через пару дней после того, как ты получишь письмо. Не могу тревожить тебя больше, чем встревожен сам, Генри, но что-то в этом месте не так. Теперь, когда дни стали короче, долина начала показывать мне другое лицо. Я уже не провожу много времени вне дома без необходимости.

Не сочти меня глупцом, но после полудня деревья уже совсем не кажутся мне обычными. И я понятия не имел, что порывы холодного ветра могут создавать такой яростный звук в лиственном лесу. Для осени он нетипично сильный и холодный. Можно сказать, свирепый. Лес неспокоен, но его приводят в движение не только потоки ветра. Я склонен считать, что основные волнения исходят от стоящих камней.

В середине лета они казались безобидными; хотя даже тогда я не питал особенной нежности к холму, на котором стоит это кольцо камней. Но я совершил очень серьезную ошибку, посещая это место, когда солнце было скрыто тучами или садилось за горизонт. И я полагаю, что, возможно, вмешался в какой-то коренной обычай.

Могу лишь догадываться, что это кто-то из местных привязал свинью в том кругу. Видишь ли, когда вчера вечером я уходил гулять, северный ветер принес со стороны круга отчаянные и тоскливые крики. Я поднялся туда и обнаружил несчастного борова, привязанного к центральному камню. В окружении такого количества мертвой дичи, развешанной в кругу дольменов, которое удовлетворило бы самый ненасытный аппетит. Часть какого-то варварского ритуала. Центральный камень был буквально залит кровью птиц. Я счел это отвратительным. Так что я освободил борова и, пожелав ему удачи, отпустил в лес. Но, оглядываясь назад, я полагаю, что он был привязан там ради моей защиты. Как некий выкуп.

Видишь ли, все время, что я находился среди камней, меня не покидало ощущение, что за мной наблюдают. В дикой местности чувства обостряются, Генри. И ты начинаешь доверять им. И я считаю, что запах крови и визг свиньи привлекли в то место что-то еще. Я чувствовал чье-то присутствие в порывах ветра, настигавших меня, казалось, со всех сторон света. Это ощущение пробирало до мозга костей; меня бросило в пот, и я буквально взмок до последней нитки и волоска на голове.

Я не стал там задерживаться. И отправился домой, испытывая чувства, которые не могу адекватно описать. Честно говоря, так страшно мне не было даже в детстве по ночам. Но мой страх был смешан с какой-то дезориентацией и убежденностью в моей совершенной незначительности там, среди этих черных деревьев. Этот шум, Генри. Мне казалось, будто я потерпел кораблекрушение в бушующем море.

Не успел я уйти далеко, как с той стороны, откуда я шел, донесся страшный шум, будто освобожденный боров испытывал невероятные страдания. Хотя тогда это было похоже на крики испуганного ребенка. Затем его визги резко прекратились, и эта внезапность была хуже самих криков.

Я бросился бежать. Так быстро, как только мог. Я бежал, пока не почувствовал, что сердце вот-вот не выдержит. Я сильно порезал голову о ветку и разбил колено о корень дерева, когда упал. А сквозь деревья за мной гнался холодный ветер. Вместе с его свистящими порывами до меня донесся вой, который еще долго, если не всю жизнь, будет отдаваться эхом у меня в голове. Здесь, на севере, обитают волки, медведи и песцы. Возможно, я даже слышал росомаху, но крайней мере, так я сказал себе. Мне приходилось слышать лай шакалов, а также рев бабуинов на сафари, но вчера я готов был биться об заклад, что ничто в зверином царстве не могло издавать такой крик в охотничьей схватке. В нем была жуткая нотка триумфа. И я убежден, что какое бы животное ни издавало этот вой, оно преследовало меня, Генри. Прошлой ночью я слышал какие-то звуки в загоне позади дома. А этим утром я обнаружил следы. Такие не оставляют даже медведи.

Скажу лишь, что посмотрелся и послушался я достаточно. В пятницу я должен добраться до аэропорта в Эстерсунде. А пока соберу вещи и закрою ставнями дом на зиму. Солнце утром еще яркое и сильное, и в это время суток

здесь лучше удастся сохранить рассудок. Утром мне придется трястись на велосипеде до почтового ящика, чтобы отправить это письмо. И пока я буду там, мне нужно будет сделать по телефону заказ в транспортной компании, чтобы они приехали за мной и снаряжением через два дня.
Твой дорогой друг,
Уильям Аттертон.

Я молча вернул письмо Генри, и он продолжил рассказ.

«Я с нетерпением прождал до конца недели и даже сделал опрометчивый звонок в шведское консульство, только чтобы выяснить, что ближайший местный орган власти находится в Радалене, в почти восьмидесяти километрах от дома Аттертона. Так как я не заявлял о каком-либо преступлении или несчастном случае и, откровенно говоря, постеснялся пересказывать содержание письма по телефону, я решил, что лучше сам отправлюсь в Швецию в следующий понедельник. Пусть даже мы разминемся; хотелось бы думать, что кто-то из моих друзей поступит так же, если получит от меня письмо подобного содержания, пока я нахожусь за границей. По крайней мере, я мог хотя бы сопроводить бедного Аттертона домой и помочь ему получить профессиональную психологическую помощь.

Когда в понедельник рано утром я летел на первом самолете в Стокгольм, пожилой швед, сидевший рядом, увидел разложенную у меня на коленях карту и спросил, не требуется ли мне помощь. Еще он обратил внимание, как я борюсь с четырьмя авторитетными путеводителями в поисках дополнительной информации по Радалену. Там было упоминание о провинциях Норр-ланда, но очень мало говорилось про Емтланд и совсем ничего про Радален. Поэтому я воспользовался любезным предложением своего попутчика и расспросил, как можно добраться до Радалена. На что джентльмен сразу же задал мне вопрос, такой же прямой, как и его взгляд. „А почему вы хотите повидать Радален?“ Как и большинство его соотечественников, мужчина говорил на прекрасном английском и выражался четко и ясно.

Какое-то время я не мог дать внятного объяснения, но джентльмен сообщил мне, что сам он родом из южной части Емтланда, но не живет там с юных лет и редко бывает в тех местах. Однако, несмотря на то, что большинству шведов не знакома репутация Радалена, представители его поколения, выросшие в той местности, вряд ли забудут истории, слышанные в детстве. Многие части Швеции более предпочтительны для гостей, чем Радален. В молодости ему было запрещено уходить так далеко на север.

Конечно, я сделал вид, что поверил словам мужчины, и старался никак не проявлять свой скептицизм. Попросил его более подробно рассказать об этой репутации и упомянул о недавнем переезде туда моего друга.

Он начал рассказывать мне о вещах, которые сохранились в устной традиции (в отличие от тех, которые были задокументированы историками), которая подробно описывает выживший... скажем так, фольклор или верование, наблюдавшееся задолго до агрессивной колонизации Швеции христианской церковью. Оказывается, даже в начале двадцатого века были еще распространены жертвоприношения животных. Они проводились в конце лета, чтобы умиротворить исконных обитателей лесов до наступления зимних лишений.

Утверждалось, что эти исконные обитатели лесов – или *Pa* – являлись страшными тварями и легли в основу местных легенд о монстрах. И всегда считалось, что леса опасны, если не принять определенные меры предосторожности. Лесники и егеря больше не могли бы бродить по ним, женщины не могли бы собирать дрова, а дети – играть там. Затем, в семнадцатом веке, в период пуританского рвения, имевшего целью смести остатки пантеизма в Северной Швеции, обычай подносить дары был жестоко подавлен. Но сразу после введения цензуры, как утверждал этот парень, в северном Емтланде случился всплеск исчезновений. Сперва начал пропадать домашний скот, затем наиболее уязвимые представители местных общин. И именно в тот период возникло конкретное предупреждение – *Det som en gang givits ar forsvunnet, det*

kommer att atertas, которое джентльмен перевел для меня на английский. *То, что некогда воздавалось, исчезло. И некто придет получить это назад.*

Эта надпись была нанесена на столбы и вывески как предупреждение для гостей, и, как правило, рядом с ней вывешивалась лошадиная подкова, символ, вызывавший у *Ра* дискомфорт из-за его неприязни к конникам.

Несмотря на временный запрет, подношения вскоре возобновились в надлежащих для этого местах. А началось это в то время, когда скандинавы-поселенцы и исконные обитатели заключили те нелегкие соглашения. На этот раз церковь закрыла на это глаза, молча признав, что местная проблема вне ее компетенции и власти.

Но все изменилось. Говорят, вкусы исконных обитателей были уже не такими, как прежде. Стали более низменными, как в древности. Во времена вмешательства церкви *Ра* заново открыли в себе вкус к иной плоти. По слухам, безбожные представители местного населения вскоре пришли на помощь в возрождении столь безудержного аппетита. Здесь берет начало давнее предание о пропадающих в Радалене путешественниках.

Постепенно местные общины ушли с территории обитания *Ра*, чтобы быть вне их досягаемости. Оставили свои дома и церкви, мигрируя на юг и восток. С наступлением века науки и здравого смысла древние обряды начали уходить в прошлое. Местные предания считались вздором, и лишь немногие люди, жившие ближе всего к долине, думали иначе. Сейчас эта местность является давно запущенной частью национального парка. Хотя джентльмен слышал что-то о том, что один застройщик перестраивает и ремонтирует старые виллы для продажи в качестве летних домиков. Но эта идея не пользовалась успехом. При таком немногочисленном населении в этой местности очень слабая инфраструктура и почти нет местных служб.

„Должно быть, один из тех домов и купил ваш друг“, – сказал он в заключение, когда стюардесса подала нам копченого лосося и икру.

Я слушал с интересом и некоторым беспокойством, но вскоре моя тревога сменилась раздражением. Я готов был осмелиться на комментарий, что такие разговоры и туманные догадки равносильны сказкам, сочиненным для детей, чтобы те не терялись в лесу. Каким-то образом все это укоренилось в замкнутом воображении Аттертона, а затем глупость расцвела буйным цветом; несомненно, под воздействием умирающего света и приближающейся зимы. Поэтому чем быстрее я доберусь до него и верну его в наблюдаемый мир, тем лучше. Я говорю «наблюдаемый», потому что всегда отстаивал лозунг среди людей, склонных к вере в экстрасенсорику, привидений и пришельцев из других галактик. И лозунг этот был: я доверяю своим собственным глазам. *Если это существует, то пусть проявится.*

На данном этапе повествования я был удивлен тем, с какой жадностью Генри отхлебнул свой бренди.

Описание путешествия неискушенными писателями может быть таким же скучным, как слайд-шоу фотографий с отпуска. Поэтому я не буду притуплять сосредоточенность читателя подробностями перемещения Генри по Швеции в район Емтланд, а оттуда до границы Радалена. Достаточно сказать, что он арендовал автомобиль и нашел более подробную карту. Но чем ближе он подъезжал к местоположению Аттертона, тем сложнее становилось путешествие.

«В тот момент, когда я съехал с основных автомагистралей и двинулся вглубь по второстепенным дорогам, меня буквально ошеломила непроходимость местных лесов. Я никогда раньше не видел в Европе ничего подобного. По-настоящему девственная природа, какой она остается в большей части северной Скандинавии. Неухоженный бореальный лес, сохранившийся с доисторических времен. И, наверное, до сих пор существуют многие мили зеленого массива, где еще никогда не ступала нога человека.

Примерно в шестидесяти километрах от Радалена стали появляться летние домики, разбросанные среди деревьев. Маленькие деревянные строения в старинном деревенском стиле, выкрашенные в темно-красный цвет. Должно быть, это были остатки поселений, отпочковав-

шихся от Радалена в восемнадцатом веке. И теперь здания использовались для летнего отдыха, но под конец сезона пустовали.

Когда я оказался не более чем в двадцати километрах от долины, дома поредели, а затем и вовсе исчезли. Асфальтированная дорога сменилась гравийной, и местами ее ширины едва хватало для одного автомобиля. И даже при дневном свете я не мог избавиться от мысли, что последние из зданий, которые я видел среди деревьев или на возвышенностях, сквозили одиночеством сильнее, чем остальные. Сами строения, казалось, намекали на то, что они не так уж далеки от темных, безвременных глубин долины. Я даже воображал, будто некоторые из домиков оглядываются за свои остроконечные плечи, в страхе ожидая того, что может выйти к ним из-за деревьев.

Упрекнув себя за предательство разума, я прервал этот ход мысли. Но даже у людей, лишенных воображения, к числу которых я причислил бы себя, хватает первобытного инстинкта, чтобы опасаться тенистых просторов неосвоенных лесов. Особенно когда сквозь тучи опускаются сумерки, окрашивая сам воздух у вас перед глазами и обещая непроницаемую темноту. Для меня уже не было сюрпризом, что в этих долинах укоренились легенды о *Ра* и человеческих жертвоприношениях. Это было идеальное место для таких небылиц. Но байки байками, а мне нужно было найти моего незадачливого друга.

Когда я был не более чем в десяти километрах от *фритидсюза* Аттертона, то поймал себя на том, что делаю частые остановки, чтобы изучить карту. Свет мерк, а дорога извивалась настолько сильно, что я уже не понимал, где север, а где юг. Я заблудился. К тому времени я еще устал, проголодался и уже давно утратил сосредоточенность. Внутри разгоралось раздражение, а благоговейный трепет перед лесом быстро превращался в страх. Я уже задумывался, не придется ли мне коротать ночь на заднем сиденье машины.

Но, к моему облегчению, спустя еще пять минут граничащий с дорогой лес на мгновение расступился, и я увидел в пассажирском окне церковный купол. В надежде найти кого-то, кто указал бы мне путь к дому Аттертона, я направил машину в сторону купола – по дороге, которая была не шире тропинки.

Церковь была длинным одноэтажным деревянным зданием, с куполом, служащим еще и колокольной, и примыкающим ухоженным кладбищем. Но мой краткосрочный оптимизм начал иссякать, когда я заметил, что все окна закрыты ставнями. А на деревянной арке, венчавшей маленькую сторожку и обеспечивавшей доступ на территорию через стену из сухой каменной кладки, между двух лошадиных подков, была вырезана надпись: *Det som en gang givits ar forsvunnet, det kommer att atertas* – То, что некогда воздавалось, исчезло. И некто придет получить это назад.

Один, заблудившийся в национальном парке, в нескольких часах езды до ближайшего города, перед кладбищем, со сгущающимися вокруг холодными сумерками, меньше всего я хотел наткнуться на это предупреждение. И не успел я пройти через ворота и приблизиться к дверям церкви, как заметил, что к козырьку крыльца прибита еще одна комбинация подков, защищающих вход в дом Божий. Если эти примитивные железные символы действительно использовались, чтобы отгонять злых духов, то почему для таких целей не подошло распятие? Возможно, – закричал раздражающий внутренний голос, – потому, что крест не распознается глазами, которые древнее этого символа. Я перебил непроизвольную дрожь энергичной встряской, которая была необходима моим сведенным судорогой конечностям, усталым мышцам и измотанным чувствам, и принялся изучать здание.

Мой стук в дверь, как и окрики, остались без ответа. А на застекленной витрине возле двери не было ни одного объявления.

В дальнем конце участка я обнаружил собрание больших рунных камней и сделал предположение, что это более старое кладбище. И пока я смотрел на них, между ветвями и стволами окружавших меня деревьев сгущались тени, с меркнувшим светом листья становились все тем-

нее, и я поднял воротник, чтобы защититься от порывов холодного ветра. Я не мог не вспомнить последнее письмо Аттертона; не желая больше задерживаться, я вернулся к машине.

Глаза жгло, в голове стучало. Включив верхний свет, я предпринял очередную отчаянную попытку разобраться с картой. Довольно скоро придется включить и фары. Только я собрался разразиться очередным потоком брани, как заметил на карте крошечный символ креста, который, видимо, указывал на церковь, возле которой я как раз припарковался. Если это так, то мне лишь нужно сделать разворот на 180 градусов, поехать к перекрестку, который я миновал два километра назад, и повернуть направо. Та дорога, или тропа, и приведет меня к домику Аттертона.

Восстановив чувство направления, около семи часов вечера я сумел без каких-либо происшествий найти дом. Симпатичное красное строение с белыми козырьками и крыльцом стояло на участке с белой оградой; участок был не столько окружен, сколько поглощен хищно тянувшимся со всех сторон лесом. В паре футов уже ничего не было видно. Усыпанная листвой тропа бежала между деревьев и исчезала в бескрайней тьме.

Я не получил ответа ни на стук в дверь, ни на окрики, пока с нарастающим чувством тревоги кружил вокруг дома. Я вспомнил, что Аттертон упоминал, что избавился от обилия подков на стенах. Но оказалось, что они снова были прибиты, в спешке и без особой заботы о симметрии. Окна были заколочены всеми подручными материалами. Куски сломанной мебели, дрова для костра, доски, вырванные из флигеля. Он же не это имел в виду, когда говорил, что нужно закрыть дом на зиму? Неужели он начал верить, что осажден неким сказочным существом?

При более внимательном осмотре окон, даже в меркнувшем свете дня, у задней части здания, в цветочных клумбах под окнами, я случайно заметил следы вмешательства. Почва была вытоптана, а растения вырваны. Какой-то любопытный лось подходил полакомиться цветами или заглянуть в окна? А может, медведя выманил из леса запах рыбы, которую Аттертон готовил себе на ужин? И шум, вызванный этим переполохом, трансформировался в нестабильном мозгу Аттертона в то, что он воспринял как угрозу от некоего чудовищного незваного гостя.

Проведя пальцами по деревянным подоконникам, я обнаружил в дереве ряд глубоких царапин, которые могли появиться вследствие поспешных и неловких попыток запечатать окна. И все же, несмотря на мое упорное обращение к здравому смыслу, меня внезапно поразила мысль, что эти метки говорили о попытках какого-то сильного животного проникнуть в дом.

Но одна вещь казалась неопровержимой. Оказавшийся в изоляции и перевозбужденный гнетущим лесом, Аттертон, должно быть, подвергся панике и сбежал. Ибо я был уверен, что он больше не является жителем Радалена.

К этому времени на землю стремительно опустилась ночь и ледяной ветер шумел в кронах деревьев. Спустя более четырнадцати часов непрерывного путешествия – включая два перелета и поездку на автомобиле – я нуждался в крыше над головой, еде и отдыхе. Возвращаться в темноте туда, откуда я прибыл, было бы идиотской затеей. Поэтому я быстро принял решение: я заберусь в дом и разведу огонь. Сперва попробую вскрыть дверь монтировкой или каким-нибудь инструментом из сарая.

Но признаюсь, к тому времени меня подстегивало не только утомление. Я счел тяжелую, напряженную атмосферу долины особенно неприятной. Из темноты доносились запахи гнилых листьев и сырой земли. И, если не ошибаюсь, в ночном воздухе присутствовал запах животного. Не такой жгучий, как от свиньи, но и менее землистый, чем от коровы. Что-то резкое, будто бы пахнувшее псиной. Может, Аттертон использовал для обработки сада местный навоз? В любом случае, я хотел избавиться от этого зловония.

С помощью лопаты из сарая я отжал замок и пробрался в темный дом. Прежде чем проветрить оставшуюся часть первого этажа, нашел на кухне масляную лампу и зажег. Потолки

были намного ниже, чем я ожидал, и все место пахло древесиной, дымом и парафином. Я зажигал лампы везде, где находил.

Как Аттертон и говорил, дом был очень простой. Скучно, без излишеств обставленный и выкрашенный изнутри в белый цвет. Интерьер напомнил мне лыжное шале и игровой домик ребенка одновременно. Все казалось каким-то маленьким и тесным, особенно кровати в двух спальнях на втором этаже: небольшие деревянные ящики, встроенные под скат крыши.

Осматриваясь, я понял, что Аттертон так и не завершил сборы. Как мне показалось, он начал паковать одежду в коробки в главной спальне и книги в гостиной, но не закончил, будто ему что-то помешало.

Все поверхности на кухне были усеяны мусором, произведенным за последние несколько дней его проживания, металлическое ведро у задней двери доверху заполнено. Сама дверь была заколочена оторванными с пола досками. Аттертон ел из консервных банок и нормированно использовал воду, набранную в несколько эмалированных кувшинов. Возле плиты лежала гора дров, поднятых из погреба с сухими продуктами, в котором я нашел остатки его припасов.

Поэтому я пришел к мысли, что Аттертон забаррикадировался в доме, оставался там пару дней, а затем сбежал. Как еще я мог расценивать увиденное?

Обдумывая произошедшее с Аттертоном, я угостился крекерами, маринованной сельдью и довольно интересным местным пивом. Я решил подождать до утра, а затем провести беглый осмотр окружающей местности на тот случай, если Аттертон получил травму либо полностью сбрендил и бродит там, как король Лир по проклятой пустоши. Потом я доберусь до ближайшего населенного пункта и уведомя власти о состоянии дома и рассудка Аттертона, на тот случай, если потребуется организовать более тщательный осмотр местности или отследить его местонахождение по записям авиакомпаний и т. д. А пока я расположусь в гостиной, где разведу огонь. Спать буду в кресле, завернувшись в одеяла.

С помощью расставленных по комнате масляных ламп и ревущего в камине огня я изо всех сил старался ослабить гнетущую мрачность этого места. Признаюсь, этот дом и его атмосфера сильно меня беспокоили. Все окна были заколочены и укреплены кусками древесины, к каждой двери внутри дома прибиты подковы. Ветер бесновался снаружи, в ветвях деревьев, сотрясал стены и завывал под балками комнаты. А когда наступила ночь, вся структура дома была охвачена всевозможными стонами, скрипами, стуками и сквозняками. Как Аттертон собирался жить здесь один целый год, было вне моего понимания. Само по себе такое решение уже предполагало наличие психического расстройства. Казалось, его святилище быстро стало тюрьмой. И эту теорию подтвердило то, что я нашел среди его бумаг.

Кроме его записей, подробно описывавших домашние хлопоты, ремонт и намерение разбить огород, я обнаружил несколько сильно исчерканных карт – на них были отмечены тропы, которыми он ходил, водоемы, где он ловил рыбу, круг камней на возвышенности к востоку от участка – и неряшливую пачку набросков углем. Среди рисунков были изображения дома с разных углов, пойманной им форели и церкви, которую я уже видел. Я счел, что все эти работы были сделаны еще до того, как одержимость камнями взяла верх. Дело в том, что там было множество притирочных копий, снятых с рунных камней на холме, и десятки набросков этого круга изнутри и снаружи. И пролистывая бумаги, я заметил, что он начал сопровождать рисунки подписями. Одна страница особенно привлекла мое внимание. Она была озаглавлена „Снято с Длинного камня“, и представляла собой притирочную копию с истертого гранитного дольмена. Ниже он добавил к грубому оттиску подробное пояснение в виде рисунков в разрезе и дополнительных набросков. К этим убедительным орнаментам я сразу же испытал отвращение. „И как же это понимать?“ – написал он внизу страницы.

Действительно, как? Если верить наброску Аттертона, на камне был вырезан силуэт кого-то существа, слишком высокого и тощего, чтобы быть человеком. Его длинные обезьяньи конечности заканчивались копытами. По-видимому, оно шагало через всю поверхность камня

и тащило за собой за волосы более мелкую фигуру. Этим вторым персонажем на рисунке, похоже, был ребенок. И существо увлекало его к какой-то вырезанной в другом конце камня гряде, напоминающей хранилище костей. То есть если эта гора палок была черепами, ребрами, бедренными костями и тому подобным.

Уверяю тебя, мои глаза не стали задерживаться на этом наброске. И я начал проявлять более пристальный интерес к дикому завыванию ветра в маленьком доме. Балки выслушивали эту пламенную речь налетающих со всех сторон порывов. И я сразу же вспомнил, что шум сильного ветра может создавать звуки присутствия в пустых комнатах, особенно в тех, которые над головой. Еще у меня было подозрение, что силы природы готовятся к чему-то или предвещают чье-то прибытие. Я мог бы поклясться, что в ветре было какие-то предвестие.

Ознакомившись с последним эскизом Аттертона, признаюсь, я вылез из кресла, чтобы выбросить его из окна за головой.

Дело в том, что последний рисунок представлял собой грубый, сделанный нетвердой рукой отпечаток следов, которые, как утверждал Аттертон, он обнаружил за воротами, в задней части сада и под окнами гостиной. Это были отпечатки определенно двуногого существа, близкие по форме с человеческой ступней, за исключением размера и длины когтистых пальцев, включая шестой на пятке. Как кошачий, которым они потрошат свою жертву. В качестве примечания Аттертон также добавил дату произведения. Это было за четыре дня до моего прибытия. Рисунок он снабдил комментарием: *„Ни подковы, ни огонь его больше не сдерживают, и оно собирается проникнуть в дом“.*

Я пытался убедить себя, что это скорее вымышленное свидетельство зародилось в глубоко потрясенном рассудке. Доведенном до крайности фантазиями и гипотезами, заблуждениями и подозрениями, ветреной суровостью климата и призрачной атмосферой ландшафта.

Я отложил наброски и, крепче сжав кочергу, постарался найти более подходящее отвлечение от тьмы и неутраченного ветра, чем иллюстрации Аттертона. Попытался читать *„Большие надежды“* Диккенса, но моя концентрация неоднократно нарушалась внезапными порывами ветра за стенами гостиной, отчего фундамент сотрясаясь и свечи начинали мерцать. Но вскоре после полуночи, к счастью, я поддался усталости, вызванной путешествием, свежим воздухом и новой обстановкой, и задремал в кресле. Ни сердитый рев ветра, ни глухой стук по крыше не мешали больше моим векам сомкнуться.

Но довольно скоро громкий грохот, наполненный треском дерева, разбудил меня и заставил вскочить на ноги.

От огня в камине остались лишь красные угольки, и две лампы потухли.

Страшный шум исходил из передней части дома, и самого уязвимого места, как кричал мне внутренний голос. Ранее я сломал основной замок, хотя при этом две металлические задвижки остались на месте. И это была единственная точка доступа, не укрепленная шестидюймовыми гвоздями и балками. Я предполагал, что Аттертон не стал блокировать этот выход на случай побега. Неспособный провести еще одну ночь в этой ловушке, как кролик в норе, он, должно быть, рванул отсюда в свое последнее утро.

Держа в руках лампу и небольшой топорик, которым я рубил щепки для растопки, спотыкаясь, я двинулся через гостиную и темную кухню в маленькую прихожую возле входной двери. И тогда мне в голову пришла мысль: *Может, это Аттертон пытается проникнуть в дом?* Кто знает, сколько часов он пробыл в лесу? К тому времени он мог быть уже полусумасшедшим. Но когда я увидел состояние двери, тут же стряхнул с себя остатки сна. И сразу отказался от теории о пытающемся вломиться Аттертоне. Кроме того, у меня не хватило даже духу позвать его по имени.

Петли и задвижки были вырваны из стены и свисали с выбитой двери. Она была подвергнута мощному удару снаружи. Разве мог человек обладать такой силой? Даже сумасшедший?

Налетевший на меня шквал ледяного ночного воздуха не сумел развеять значительно усилившееся зловоние, исходившее от деревьев вокруг сада и которое я уловил ранее. Запах сырой лесной почвы с примесью едкого звериного смрада, такого, какой сшибает с ног возле грязного вольера в зоопарке. И это зловоние заполнило дом.

Я не мог заставить себя даже выйти на крыльцо и осмотреться. Я стоял в прихожей, охваченный смятением. И внезапно понял, почему Аттертон был так уверен в необходимости баррикад. Нечто или нечто терроризировало это место под покровом безлунных ночей. И нападавший обладал значительной силой и размерами.

Я поднял лампу и попытался посветить немного в дверной проем и за его пределы. Прищурившись, я смог различить лишь край крыльца и темнеющую за ступенями траву.

Лампа замерцала и едва не потухла от очередного порыва ветра, налетевшего через лужайку из-за деревьев.

„Кто там?“ – крикнул я надломленным, как у подростка, голосом.

Я поставил лампу себе под ноги и стал поднимать дверь, когда услышал звук шагов. У себя за спиной. На кухне. Темной кухне, через которую я только что прошел, с широко раскрытыми глазами, хоть и сонный.

Затем скрипнула еще одна половица. Вслед за этим раздалось фырканье. Вроде того, какое издает бык.

То, что выбило дверь, находилось в доме вместе со мной. Я перестал дышать, настолько дезориентированный острым ужасом, что лишился дара речи. Я захныкал, как ребенок, и съехал, словно ожидая удара сзади. Еще один звук из тьмы, и я был уверен, что у меня остановится сердце. Я был не в силах повернуть голову и посмотреть, что стоит у меня за спиной.

Затем я услышал его снова. Скрип половицы под очередным шагом, еще ближе. И было в этом звуке что-то еще, какое-то царапанье, что вызвало в памяти картинку из набросков Аттертона. Длинная когтистая лапа, только сейчас она двигалась по деревянному полу ко мне.

Я резко развернулся, уронив лампу на бок. И ее стук заставил меня втянуть в себя воздух и закричать:

„О боже!“

В тот момент я увидел на кухне незваного гостя, склонившегося и напрягшего длинные конечности.

Скажем так, я увидел *нечто*. В основном я увидел силуэт, и то мельком, прежде чем лампа потухла. Но я уверен, что разглядел в этой притаившейся фигуре влажный нос, желтые клыки и кроваво-красные глаза на черной морде. Голова находилась под самым потолком. Именно из-за него оно стояло сгорбившись, неспособное выпрямиться, даже согнув в коленях тонкие ноги.

Я выбежал из дома во тьму, в направлении машины. И ударился в нее коленями в тот самый момент, когда под чьим-то тяжелым весом хрустнула лежащая на полу дверь. Я предположил, что по ней прошли или пробежали. А это значило, что нарушитель теперь был на улице, где-то рядом со мной.

По привычке я запер автомобиль и поставил на сигнализацию, которая сработала, когда я со всех ног налетел на него. Оглядываясь назад, я считаю, что именно вой „сигналки“ и спас мне жизнь. Похоже, он на мгновение ошеломил моего преследователя, и мне хватило времени достать ключи из кармана курки, открыть машину и проскочить на водительское сиденье. Если б не те несколько бесценных секунд, я вряд ли когда-либо покинул бы Радален. И я убежден, что Аттертону это сделать не удалось.

Машина глохла три раза. Один раз потому, что я оставил ее заведенной. Второй раз потому, что двигатель был холодным. А в третий раз, когда я включил фары, я заметил в зеркале заднего вида нечто, залитое красным светом, что заставило меня в шоке оторвать ноги от педалей.

Когда я сумел привести машину в движение и рванул через лужайку на узкую подъездную дорожку, забыв про осторожность, *оно* не отставало от меня. Иногда несло вприпрыжку вдоль дороги, в паре футов от заднего бампера. А иногда бежало между деревьев на обочине, вровень со мной. По крайней мере, я думаю, что это преследовавшее меня существо так поцарапало машину. А когда я замедлялся на поворотах, пыталось удержать автомобиль на месте. В ту ночь оно намеревалось поймать меня, и думаю, преследовало меня более десяти километров.

Я ехал сквозь ночь в столь желанный рассвет, до самой Кируны, где поднял тревогу по поводу исчезновения Аттертона. После чего мне пришлось заплатить более двух тысяч фунтов за ущерб, нанесенный лакокрасочному покрытию машины и дверным панелям».

* * *

Закончив свой рассказ в библиотеке клуба, Генри выглядел еще более бледным и напряженным. Эпилог он сумел выдать лишь после очередного стаканчика бренди.

«Аттертона так и не нашли. Компания по переездам прислала фургон в пятницу перед моим прибытием, но они обнаружили дом в том же состоянии, что и я. Пустым и грубо законченным. В самолет Аттертон так и не сел. И долину он не покинул.

Перед тем как выпал первый снег, лесохозяйственная комиссия и военные обыскали местность и не нашли никаких существенных следов Аттертона. Они так и не смогли пролить свет на его исчезновение. Даже осматривали долину с вертолета, но не обнаружили ничего необычного, кроме велосипеда, брошенного примерно в трех километрах от «*фритидсюза*». Хотя владелец велосипеда так и не был установлен, я думаю, что он принадлежал нашему другу.

В Швеции бедняга Аттертон до сих пор числится пропавшим без вести».

Материнское молоко

Словно деградировавший король-изгнанник, Сол спит здесь на своем картонном троне каждый день, в одно и то же время. Все семь футов его туши отдыхают. Толстые конечности распластаны среди коробок и акров пузырчатой пленки. Огромная голова запрокинута назад и издает звуки удушья. Физиономия с жировыми складками под подбородком светится в полумраке склада, словно лунный лик.

Здесь, на окраине города, среди пустующих фабрик, в этом металлическом лабиринте из простирающихся в бесконечность стеллажей цвета боевых кораблей, нас работает всего двое. Жужжащие на гофрированном потолке флуоресцентные лампы выбеливают нашу кожу. Менеджеры из далекого офисного здания никогда не удостаивают нас своим вниманием. Водители, приезжающие сюда за грузом, избегают нас. Квадратные горы коробок, которые мы упаковываем, запечатываем и складываем в штабеля, в конце дня загружаются в грузовик, припаркованный у гигантских подъемных ворот.

Когда я смотрю, как Сол спит до второй половины дня, когда обычно начинается работа, мне кажется, что я мог бы убежать. Но всякий раз, когда я отхожу слишком далеко, он начинает издавать звуки, напоминающие утечку газа. Думаю, он видит меня сквозь свои липкие веки.

– Сол, – шепчу я. – Сол, Сол, пора.

Я говорю тихо и держусь на расстоянии от этой гипсовой массы, когда пытаюсь разбудить его. Он всегда пугает меня, когда беззвучно пробуждается ото сна или когда появляется из темных рядов.

Передо мной открывается один глаз. Пустой глаз серой акулы. Вскоре к нему присоединяется второй, и они начинают двигаться в рыхлых изгибах глазниц. Влажные губы издают какой-то звук, будто бильярдный шар перекачивается от одной щеки к другой. Затем Сол начинает говорить, еле ворочая чрезмерно большим языком. Но его речь я научился понимать. Молоко. Он хочет молока. Затем мы работаем еще какое-то время до вывоза груза.

Подняв с маленького белого столика металлическую фляжку, я качаю в руках эту булькающую торпеду и передаю в его влажные лапы. Огромные ручищи, напоминающие на ощупь холодный сыр, осторожно берут ее. Отворачиваясь, я слышу жадное хлюпанье, но не слежу за процессом кормления. Он напоминает мне о ней, о *матери*. Матери Сола. И моей матери, как она считает.

Закончив, он сигнализирует мне хрюканьем, и я забираю у него фляжку. Крепко завинчиваю крышку и вижу, как дрожат у меня руки. Когда я несу фляжку обратно к маленькому белому столику, внутри у меня будто все переворачивается. Голод с урчанием просыпается во мне, и я чувствую, как Сол улыбается у меня за спиной. В прошлом я только добавлял молоко в чай, но теперь не в силах устоять перед таким изысканным лакомством. По ночам мне снится молоко.

* * *

Закончив работу, мы снова идем в место, которое Сол называет домом. Дом на холме, защищенный забором и скрытый деревьями и тьмой. В автобусе кроме нас уже никого нет, и мы сходим возле больших дубов у подножия холма. Затем автобус разворачивается, словно сам по себе, потому что водитель не перестает тарашиться на нас.

Основание холма опоясывает изгородь из старых заточенных железных прутьев, но у Сола есть ключ от тяжелых ворот, которые мне не сдвинуть с места. Он отпирает замок, и мы проходим за ворота. Они с грохотом захлопываются у нас за спиной.

В полном молчании мы двигаемся сквозь черные зазоры между стволами деревьев. С земли поднимается тяжелый запах сосновых иголок и сорняков. Лиственный навес над нашими головами закрывает свет. Тьма давит на нас, и у меня появляется странное чувство. Лесные запахи наполняют мой мозг густой жирной сонливостью, которая обволакивает меня и забирается в глаза. Но деваться мне больше некуда, поэтому я следую за Солом, ковыляющим вверх по тропинке в беспокойный лес. Я представляю себе детей, разбегающихся от мокролицей твари, идущей впереди меня. Порхающих, словно маленькие призраки, как тогда, когда я бежал и вслепую помчался в торговый центр, полный рождественских огней. Какой же переполох я устроил! Увидев свое отражение в одной витрине, я разрыдался, как ребенок. Большой, толстый, бледный ребенок. Это было очень давно, и с тех пор я больше не убегал.

Я несу молочную банку, которая теперь пуста и которую я должен приносить домой каждый день. Я иду, мотая головой из стороны в сторону. Где-то рядом порхают птицы размером с собак. Они шумят в подлеске, и их крылья хлопают, шелкая, как влажная кожа. Я не вижу их, но Сол говорил, что это остатки местной дичи. Не могу представить себе фазанов. Мой разум пытается увидеть зеленовато-голубых птиц, клюющих землю поблизости, но когда я слышу их, сердце у меня подпрыгивает к самому горлу. И так каждую ночь, хотя я не раз ходил через эти деревья.

Когда мы поднимаемся мимо огромных дубов и хвойных деревьев, Сол издает запах. Что-то бурлит в его дряблом теле и пахнет серой. Теперь я издаю такой же запах. Это от молока. От тех галлонов вспененной сладковатой жидкости, которые мы поглотили.

Пройдя несколько акров темного леса, мы подходим к домам, которыми семья Сола владеет дольше, чем они себя помнят. От подножия холма эти два белых здания не видно, поскольку они скрыты резко сгущающимся в этом месте лесом. Верхние ветви деревьев переплетаются над заостренными, крытыми красной черепицей крышами, заслоняя собой звезды. И лишь оказавшись в центре сада, через маленькую дыру в верхушках деревьев можно увидеть небо, будто ты находишься на дне огромной чаши с неровными краями.

Вернувшись из своего первого побега, я целую вечность пытался отыскать садовые ворота, ползая на четвереньках, – настолько я был напуган громким хлопанием крыльев в окружающем меня лесу. В конце концов лишь мой желудок смог привести меня к воротам и домам, где хранилось молоко.

Пройдя через скрытые ворота и изгородь из деревьев, первое, что мы видим, это бледную лужайку. Здесь растет молочно-зеленая трава. Она короткая и мягкая, а почва под ней черного цвета, если ковырнуть пальцем. Лужайка идеально ровная и приятно пахнет. Удивительно, что среди всех этих деревьев находится такой круг травы. Будто вершина холма была подстрижена специально для домов и танцев, о которых я грезил.

Сегодня вечером, как только я оказываюсь в саду, эта трава привлекает мое внимание, и я задерживаю на ней взгляд. Она растет в моих снах. Иногда посреди ночи я представляю себе, что просыпаюсь лицом вниз, упираясь носом и ртом в мягкую перину лужайки и посасывая ее сахарные травинки. А еще эта сияющая под светом ярчайших лун лужайка часто напоминает большой пруд. Я люблю смотреть на нее из окна и вспоминать свои сны. Хорошие сны. Не те плохие, в которых по ее яркой поверхности двигаются всякие существа.

В домах сейчас тихо и темно. В окнах нет света, и своими квадратными белыми стенами они напоминают мне сараи, в которых живут фермерские животные. Вокруг большой прочной постройки нет ни цветов, ни кустарника. Она разделена на два дома тонкой внутренней стеной. Каждая задняя дверь обращена на молочное пастбище и ведет на кухню. словно одинокие часовые, эти дома сторожат небо, скрытые для лежащего под ними мира.

На кухне нашего дома мы зажигаем лампы, наполненные розовым маслом, и начинаем ждать. Но ждать никогда не приходится очень долго. Они спешно входят через заднюю дверь:

мать и брат, Итан. До того, как я начал пить молоко, мне было интересно, что они делают в соседнем доме без света. Но как только начал пить, перестал думать об этом.

Будь тише воды, ниже травы. В присутствии матери лучше не поднимать глаз. Она крупнее первого сына, Сола, но кожа такая же бледная. Опустив глаза в пол, я вижу нижнюю часть ее цветочного платья, местами прилипшего к тучному телу. В розоватом свете, среди мечущихся теней, я вижу торчащие из-под подола воробьиные ноги, будто ее рыхлое тело было насажено на два костных стержня, чтобы не каталось по полу. Но эти ноги очень быстрые. Обычно у меня едва хватает времени забежать наверх и спрятаться у себя в комнате, когда я слышу топот ее ног, спешащих из соседнего дома.

Она разговаривает со мной низким, гулким голосом. Говорит, что я поступил неправильно, и слова звучат гулким рокотом. Отводя взгляд, я смотрю на крошечную эмблему «Дэйнти Мэйд» на эмалированной плите, стоящей возле шаткого кухонного стола. Прочитывая буквы, чтобы отвлечься от ее голоса, я вижу, что они сделаны из хрома, как названия на радиаторных решетках старых машин.

– Посмотри на меня, маленький ублюдок, – говорит она.

Я качаю головой. Не хочу смотреть. Меня тошнит от нее; даже сильнее, чем от собственного грушеобразного отражения в зеркале. Наверное, поэтому в нашем доме нет зеркал, но в окне автобуса я всегда вижу, что молоко сделало с моим лицом.

Под ее тощими ногами мечутся тени, возможно, отбрасываемые ее быстро двигающимися короткими руками. Ее хриплый голос становится громче. Я медленно отворачиваю свое пылающее лицо от эмблемы «Дэйнти Мэйд» и смотрю на ее голые руки. Локтей у нее нет. Пупырчатые культи заканчиваются детскими ручками. Кукольные пальчики шевелятся, словно анемоны в заводи.

– Посмотри на меня, маленький ублюдок.

На этот раз я подчиняюсь.

Белые глаза с багровыми зрачками вдавлены в ее лицо, как шпильки в подушку. Голову венчает бесформенная копна тонких белых волос. Вокруг влажного рта тоже растут волосы.

Она говорит, что я поступил неправильно.

– Никогда не приноси домой молоко и хлеб с улицы. Сколько раз тебе повторять?

Она думает, что я уже готов. Готов к чему? Разве она не понимает, что я всегда буду цепляться за остатки своего прежнего «я»? За те нечеткие образы, которые жили в моей памяти до того, как во мне начала разгораться жажда молока?

Этот нагоняй означает, что она побывала в моей маленькой комнатке и рылась в моих вещах. Совершенно одна в неосвещенном доме, прибирается, пока я на работе, и шарит вокруг. Представляю ее лицо, когда она обнаружила каравай и коробку обычного молока, которые я принес вчера домой. Могу поспорить, что она кричала.

Разнос вскоре заканчивается. Она собирается оставить меня сегодня без молока. На лице у меня, должно быть, появляется выражение ужаса. Я чувствую, как растягиваются мои пухлые щеки и морщится лоб. Но потом она улыбается. Все же я получу свою долю.

– Где грязное белье? – спрашивает она. – Давай мне все.

Из-за подола ее желто-коричневого, похожего на цирковой шатер платья появляется Итан. Он рад меня видеть и хочет, чтобы разнос закончился. Резвится, как щенок. Что-то лепечет мне своим странным жужжащим голосом. Но я с трудом понимаю смысл его слов, даже спустя все это время. В мои обязанности входит развлекать Итана, поэтому, чтобы угодить бдительной матери, я все время стараюсь изображать глупую улыбку, пока не начинает болеть лицо. Его маленькое тельце носится по кухне, словно бочка на крошечных ножках, волосатых, как у старика. Лепечет, лепечет, лепечет. Он когда-нибудь вообще затыкается? Иногда я хочу шлепнуть по его маленькому пороссячьему лицу. Но он лишь убежит в соседний дом и пожалуется матери.

Собрав белье в белые наволочки для подушек, мать уходит из кухни к себе домой. Сол, Итан и я сидим на кухне вокруг деревянного стола в мерцающем розовом свете и ждем. Своими локтями мы качаем стол, на котором стоят масляные лампы. Их свет отбрасывает рябь на коричневые шкафы, блестит на стеклянных окнах и отражается от фарфоровых тарелок, к которым нам запрещено прикасаться.

Мы начинаем тяжело вздыхать и зевать, когда слышим, что мать возвращается. Она идет вразвалочку через лужайку, заставляя нас ждать, похожая на огромную ошипанную гусыню без клюва.

Молоко! Вот молоко, пенящееся и плещущееся в больших, цвета слоновой кости кувшинах. Она несет его на широком жестяном подносе, раскрашенном в зеленые, синие и красные полосы. Ее крошечные пальчики держат поднос под подбородком – ей он всегда кажется очень тяжелым. По одному кувшину каждому. Сол, Итан и я начинаем немного поскуливать от волнения. Запах теплых сливок заполняет мои ноздри, и я почти вижу маленькие пузырьки на поверхности жидкости. Это все равно что голодать и умирать от жажды – когда находишься рядом со свежим лакомством. Нужно пить быстро. Делать большие глотки, давая молоку загустеть в тебе, и так, пока не наполнится живот. А еще хлеб. Жирный хлеб, смоченный в сливках.

– Спокойно, мальчики, – говорит она.

Но мы слышим лишь шипение, когда закрываем глаза и начинаем есть.

* * *

После трапезы я бегу к себе наверх, чтобы убедиться, что мать ничего не стащила. Я знаю, что она была у меня в комнате, чтобы забрать обычные хлеб и молоко, которое кажется мне теперь пресным, жидким, и меня от него тошнит. Оно выходит фонтаном, едва коснувшись моего желудка. Но может, говорю я себе, приносное молоко сможет ослабить силу материнского.

В спальне я начинаю рыться на дне пахнущего нафталином шкафа, проверяя свой маленький тайник. Там, в обувной коробке, должны быть расческа, бумажник и сломанные часы. Все остальное исчезло. Раньше там лежали письма, перевязанные резинкой, но мать забрала их. Этот дом не имеет номера, и семье все равно никто не пишет. Но раньше люди писали письма в контору, где работаем мы с Солом. Какое-то время одна девушка присылала письма и открытки, и мне нравилась одна, с надписью «С днем рождения». Большие розовые буквы спереди, и синее число «30» внутри.

И хотя больше из коробки ничего не пропало, я вижу, что содержимое было потревожено. Маленькие ручки матери побывали здесь. К счастью, у меня под матрасом сохранилось фото девушки. Я хочу помнить ее. Как и там, в конторе, пока голод не начинает расти и я не принимаюсь кружиться вокруг маленького белого столика с лежащей на нем металлической фляжкой. Но когда я не нахожу фото девушки с угольными глазами, худеньким телом и длинными каштановыми волосами, ярость выплескивается наружу. Мать забрала снимок вместе с хлебом и молоком.

Ярость закипает во мне, и на теле выступает пот. Я снова решаю сбежать. Появляются те же чувства, что и раньше, когда я пробежал сквозь лес и сумел добраться до ворот. Но тогда я не был еще таким толстым и сонным, и холодный снег все время бодрил меня. Я ненавижу себя за то, что стал пить молоко. Если б я не трогал его в самом начале аренды, я жил бы с той девушкой, а не с матерью. К ярости примешивается ненависть.

Я бегу вниз на кухню и разбиваю кувшин молока об пол. Наверху Сол закрывает свою тяжелую книгу с громким хлопком, который я слышу сквозь потолок. Из-под стола появляется Итан и начинает жужжать, лепетать и носиться по кухне, будто в доме начался пожар. С криком и грохотом я выбегаю через заднюю дверь из дома в сад. Пересекаю лужайку и бросаюсь

в сторону ворот и лежащего за ними леса. Ярость движет моими пухлыми ногами, и я даже не обращаю внимания на боль между трущимися друг о друга ляжками. Сердце бешено колотится, а легкие горят огнем, но я продолжаю бежать.

Мне не стоило оборачиваться возле ворот. Я хотел лишь посмотреть, не следуют ли за мной Сол и Итан. Нет. Но я вижу движение в доме матери. К стеклу кухонного окна прижалось лицо. Как будто огромный белый заяц смотрит на меня своими розовыми глазами. Это отец.

Моя скользкая рука все равно ложится на кольцообразную ручку ворот. Мне совсем не нравятся эти глаза. Он – тот, кого мать держит запертым в соседнем доме. Тот, с икающим голосом, который раньше слышался через стену, когда я только переехал сюда. Тогда он был зол, и он злится сейчас, глядя, как я пытаюсь убежать. От его икающих визгов звенит стекло, и он поднимает вверх свои козлиные ноги с твердой костью на конце. Начинает стучать и царапать стекло, будто хочет добраться до меня. У отца за спиной из темноты появляется лицо матери, красное и воющее, потому что она слышала, как разбился кувшин. Из материнской кухни доносится звук отпираемой двери, и я вижу, как отцовская гримаса превращается в ухмылку. Мать выпускает его поймать меня.

Я бегу от ворот, обратно к нашему дому, через молочно-зеленую лужайку, не поворачивая головы. Но он слишком быстр. Достигнув кухни, я уже слышу у себя за спиной приближающийся стук его костяных ног. Вскоре он уже сопит над моим плечом, и я чувую его козлиное дыхание. И сейчас я думаю о его желтых зубах и о том, как они кусают с деревянным клацаньем. Я хочу, чтобы у меня остановилось сердце. Тогда все кончится очень быстро.

Тут на кухню вбегает лепечущий Итан и не дает ему поймать меня. За спиной у меня раздается грохот. Одна из розовых ламп разбивается об пол, стол скользит по кафелю и ударяется в эмалированную плиту «Дэйнти Мэйд». Итану больно, и я слышу, как он визжит, когда отец топчет его волосатую спину своими цокающими ногами.

Я бегу вверх по лестнице и слышу, как мать начинает орать на отца за то, что тот бьет Итана. Я проскальзываю к себе в комнату, слыша доносящийся из кухни грохот и вой, и придвигаю раскладушку к двери.

* * *

Теперь я болею, лежу с лихорадкой, а сны у меня стали еще хуже. Я на два дня оставлен без молока, и мне плохо от этого. Итан жужжит за дверью моей спальни. Он несет какой-то безумный бред. Говорит, что молоко сделает меня лучше и что мать сердится. Когда она сердится, страдаем мы все. Со слов Итана, мать сказала, что я больше никогда не пойду на работу. Говорит, что я поступил неправильно. Что я – маленький ублюдок, которому нельзя доверять.

И теперь мне больно внутри. В горле и легких сухость и першение. А в желудке будто битое стекло, режущее мягкие ткани, и тоненький голосок подсказывает мне попить молоко, потому что оно заполнит порезы и снимет боль. Все мои мысли заняты сливочной жидкостью в кувшинах цвета слоновой кости. Эта тяга заставляет меня рыдать горькими слезами, и я ненавижу себя еще больше. Я хочу лишь вернуться назад во времени и отказаться от той работы на складе, где я впервые познакомился с Солом. Тогда я мог бы отказаться и от этой комнатухи, и от сладкого-пресладкого молока.

В самом начале, когда я только начал снимать комнату, меня тошнило от одного вида молока. Я противился матери, таская домой через черный лес банки и пакеты с нормальной едой. И ни за что не хотел пить то густое пойло с привкусом потрохов. Но каждый вечер мать приносила его в огромных кувшинах, слегка дымящееся, и оставляла на кухонном столе, чтобы сыновья могли поесть. Звуки, издаваемые ими во время трапезы, заставляли меня задуматься о новом жилье. И я съехал бы, не коснись я молока.

Всякий раз, когда я оставлял коробку или бутылку в обычно пустующем холодильнике «Дэйнти Мэйд», она выливала мое обычное магазинное молоко, будто это какая-то отравка. Не имея другого выбора, я взял за привычку хранить у себя под раскладушкой маленький запасной контейнер. Но однажды, когда я вытряс из него последнюю каплю и мне захотелось горячего чая, чтобы отогнать ночную прохладу, я был вынужден попробовать ее продукт. Чтобы подбелить чай, я налил в него чайную ложку ее молока из кувшина, оставленного на кухонном столе. И это было потрясающе; лучший чай, который я когда-либо пробовал. Густой и сладкий, он согрел меня как стаканчик виски и наполнил живот не хуже плотного ужина. Затем, несколько дней спустя, я попробовал его с хлопьями. Добавил всего несколько ложек, отвернув нос от запаха. Когда я ел, каждая ложка оборачивала мое тело в теплые пуховые подушки и наполняла голову сонливостью и обещанием хороших снов. Втайне я ходил к тому кувшину снова и снова, словно сонный медведь, нашедший в бревне медовые соты. В конце концов Итан увидел меня и помчался в соседний дом. Когда он вернулся с матерью, та улыбалась и щеки у нее светились румянцем. Это было начало моих проблем.

Если б только я доверился своим инстинктам. Возможно, предыдущий квартирант доверился своим и сбежал. Понимаете, наверху, в той маленькой комнатке со шкафом, засаленными обоями и детской раскладушкой, с которой у меня свешивались ноги, до меня жил еще один человек. Я видел его метки и знаю, что ему снились эти сны. Возможно, он прятался под кроватью от этих грез о плясках на молочно-зеленой траве и выцарапывал остатки своего «я» на деревянных досках под крошечными пружинками. «Молоко, молоко, молоко», – царапал он снова и снова ногтем или пряжкой от ремня. Ему была знакома эта тяга, когда тысячи рыболовных крючков впиваются тебе в живот и пронзительный внутренний голос кричит так, что готовы лопнуть перепонки. Но где сейчас этот предыдущий квартирант? Если он убежал, то смогу и я. Скоро.

* * *

Запертый в комнате без молока, я пытался справиться с накатывавшими волнами желтой лихорадки. Иногда голова у меня немного прояснялась, но не в положительном смысле, как раньше на работе, перед тем как я ужинал с аппетитом. Когда позволяло самочувствие и я мог немного двигаться, я писал под кроватью крошечные заметки для следующего человека, который займет эту комнату, будет пить молоко и отдавать на стирку матери свою одежду.

Сейчас отец стоит за дверью. Он поднимается каждый день и что-то чирикает, как обезьяна, но я не впускаю его. До того, как я разбил молочный кувшин, мать раньше пугала меня отцом. «Мой муж укусит тебя, – говорила она, – если ночью ты не пойдешь к Итану». Итану одиноко в своей маленькой коробке, но солома в ней пахнет, как мясные стулья внизу, и терпеть не могу находиться в ней с ним. Мне придется подождать, когда Итан и отец уйдут от двери моей комнаты, тогда я предприму следующую попытку побега.

А еще по ночам раздаются шумы. Самые худшие исходят из комнаты Сола.

С тех пор, как я здесь, Сол придерживается одной и той же процедуры. После работы и трапезы он всегда идет к себе в комнату, соседнюю с моей, читать свои тяжелые книги, и не выходит до следующего утра. Ранним вечером, когда мать стуком по стенам объявляет о начале комендантского часа, остальные отправляются спать. Но сейчас большую часть ночи я не сплю. Ворочаюсь и слышу, как она поднимается по лестнице. Я знаю, что это она, потому что шаги у них звучат по-разному, как и их голоса. Итан карабкается, Сол шаркает, отец цокает, а мать семенит, как курица по соломе. Большинство ночей она поднимается по лестнице, скребя своими птичьими ножками, и идет в комнату Сола. Затем я зажимаю себе уши, чтобы не слышать те бухающие звуки.

Но сны – самая пугающая часть моего плена. Сейчас я никогда не знаю точно, сплю я или бодрствую, и все хорошие сны ушли. Я застрял в своей крошечной комнатке, то засыпая, то просыпаясь, иногда тревожимый звуками за окном, которые издает отец. Кажется, теперь он спит под дверью. А еще мне снятся танцы. Весь сад освещен желтой – цвета моей лихорадки – луной, которую то и дело закрывают тонкие облака. Звезды становятся будто ближе к земле, и семья образует круг. С кваканьем и воем Итан и отец скачут вокруг матери, которая медленно ползает на четвереньках, опустив голову в траву. А Сол читает что-то в стороне нараспев своим лающим голосом. В руках у него раскрытая книга, и он сидит у меня под окном, словно белый светящийся кит на каком-то странном пляже. Они взывают к чему-то в небе на языке, который я никогда не слышал и который не понимаю. Но эти имена и слова выдергивают меня из сна, и иногда я кричу.

Просыпаясь, я всегда стою у окна и гляжу вниз на молочно-зеленую траву, весь взмокший от пота. Сад пуст, но на лужайке все еще остается едва заметный вытоптанный круг. Затем мягкие стебли травы выпрямляются, и в центре медленно исчезающего круга лужайка серебрится от полуденной росы.

Я мог бы разбить окно и слизать эту влагу. Чтобы остановить желтую лихорадку и смочить пересохшее горло, оставившее меня без голоса. Три дня и три ночи во рту у меня не было ни росинки, и я почти полностью обессилел. Возможно, последний глоток молока поможет мне бежать, но если отведать той сливочной сладости, себе уже нельзя доверять.

На четвертый или пятый день у меня в комнате появляется запах. Если я не попью в ближайшее время, то высохну и умру. Я щупаю свое лицо медленно шевелящимися пальцами, касаюсь обвисшей кожи. Все тело у меня пожелтело. Даже белые волоски на моем животе умирают. От лихорадки и тошноты меня охватывают судороги, но из-за слабости я их почти не замечаю.

Неважно, насколько остры зубы у отца и как быстро он умеет бегать или насколько велики лесные птицы, я должен убежать сегодня ночью. Понимаете, сегодня все они поднимались наверх и разговаривали через дверь.

– Нехорошо оставаться там. Приходи и выпей молока, – сказал Сол. – Сегодня – очень важная ночь. Все готово, и ты не захочешь это пропустить. Мы все очень усердно работали, чтобы принять тебя в нашу семью.

Итан просто жужжал и повизгивал, но мать сыпала угрозами.

– Это твой последний шанс, – сказала она. – Если выйдешь прямо сейчас, я не позволю моему мужу кусаться и мы забудем о том, каким плохим ты был. Но если не выйдешь, я усыплю тебя навсегда. Суну твою большую башку в миску с водой и утоплю, как предыдущего жильца. Ты же так славно рос, – продолжала она. – Почти уже готов. Тебе осталось совсем немного подрасти, чтобы присоединиться к нам.

Ярость не дает мне уснуть, и я, придвинув кровать к двери, сел на нее. Если присоединюсь к ним, значит, мне конец. Когда она упоминала это, в ее голосе было ликование. Пусть танцуют под этими испарениями и желтой луной. Когда они соберутся на лужайке, меня уже здесь не будет.

* * *

Теперь, когда снаружи тихо, мысли о побеге вызывают дрожь и под ложечкой начинает посасывать. Я встаю и принимаюсь осторожно отодвигать раскладушку от двери. Мало-помалу, одновременно слушая, не идет ли отец. Дом наполняет тишина. Возможно, они в соседней половине. Все, что мне нужно сделать, говорю я себе, это покинуть сад, пробежать через лес, а затем перелезть через ворота у автобусной остановки. И на этот раз, если дети закричат, я уже не вернусь назад.

Выглядывая сквозь узенькую щель между дверью и рамой, я не вижу никого на грязной лестничной площадке. Поэтому выхожу, тихо и чуть судорожно дыша, в темный дом.

На неосвещенной лестнице меня окружают сливочные запахи, словно мягкие руки, тянущиеся из пятен на стенах. Наверное, молоко здесь даже в кирпичах под грязными обоями, и я хватаюсь за свое обвисшее лицо, чтобы остановить головокружение.

Я иду в сторону кухни, с розовым светом и мерцающими тенями на столе и шкафах, которые видно от подножия лестницы. Прохожу мимо маленькой гостиной со стульями из конского волоса, которые пахнут испорченным мясом. Подумываю посидеть там какое-то время, чтобы перевести дух и унять дурноту. Но при мысли о сидении на тех мясистых штуках, в окружении шелковых обоев, потемневших от сырости и пахнущих серой, мне становится еще хуже.

Лампы на кухне горят, но кувшины пусты. Я заглядываю в них, и сухая отрыжка подступает к горлу. Глаза жжет от горячих спазмов, щиплющих мои внутренности раскаленными щипцами. В эмалированном холодильнике «Дэйнти Мэйд» тоже ничего нет. Ванильный свет заливают полки из матового стекла и заставляет отступить обратно к столу. Я не могу перестать шмыгать носом или облизывать губы. Язык у меня сухой, как ломоть хлеба. Он высовывается между толстых губ и касается холодных кувшинов цвета слоновой кости.

Тут я слышу песню. Голос Сола проникает сквозь кухонную стену, соединяющую нас с домом матери. На фоне его лая звучит странная музыка из семейного хора. Соскальзывая на холодный плиточный пол, тщательно подметенный матерью, я чувствую, как ритмы и вой цепляются за мое липкое от пота тело. Мой живот издает всасывающие звуки, пока я выползаю по полу через заднюю дверь на молочно-зеленую траву.

Теперь во мне борются два голоса. Один шепчет о воротах и побеге, направляет взгляд моих прищуренных глаз к арке в деревьях, где на темных досках висит металлическое кольцо. Но другой голос пронзительно кричит.

Я иду искать молоко.

Плача, я двигаюсь, словно что-то неживое, желтое и мягкое, выпавшее в траву из грубой руки рыбака. Медленно пробираюсь к задней двери материнского дома, не в силах остановить себя, и кричащий во мне голос смягчается. Вот так, только один глоточек, и тебе будет лучше, поет он.

В предвкушении молока скребущее ощущение внутри меня утихает. Моя голая плоть блестит под гигантской луной, низко висящей в ночном небе над молочно-зеленой травой, чьи ласковые стебли скользят подо мной, словно подталкивая меня в направлении кухни. Перелезая через маленькую ступень перед дверью, я морщусь, когда грубый камень впивается в мой бледный живот.

На кухне у матери зажжены четыре лампы с розовым маслом, и мне кажется, будто я все еще нахожусь на полу нашего дома. В основном здесь все такое же, только между настенными шкафами и рабочей поверхностью – окошко для раздачи. Вид маленьких закругленных вмятин на чисто подметенной плитке, оставленных отцовскими ногами, заставляет меня встать. Семейная песнь смолкает. По другую сторону окошка для раздачи раздаётся чмокание губ.

Из пересохшего рта вырывается сипение, и я вижу, как мои руки тянутся к окошку. Толстые пальцы двигаются сами по себе, пытаюсь нащупать отверстие, в которое можно просунуть большой палец. Дверцы окошка бесшумно скользят по полозьям, и в образовавшееся отверстие падает свет с кухни. Я гляжу в шевелящуюся тьму, мои глаза следуют за воронкой розового света, падающего, словно луч в церковное окно.

У меня на глазах по полу движутся бледные фигуры. Влажные и переплетенные, члены семьи извиваются перед матерью, которая, сидя на корточках, раскачивается взад-вперед. Кто-то с влажным лицом прерывает трапезу и что-то скулит кормилице. Затем следующий размыкает губы, показывая маленькие квадратные зубки, после чего отворачивается от меня. Все они хнычут, затем откатываются в сторону, и розовый свет падает на мать.

Крошечные пальчики сжимают подол цветочного платья, удерживая его под подбородком. Ее глаза полны воодушевления. Я вижу раздутый живот с плодородными грудями среди белых волос. Прозрачные слезы сладкого молока, такого густого и манящего, падают на членов семьи и что-то растапливают внутри меня.

Широко улыбаясь, мать приглашает меня присоединиться.

Желтые зубы

Я совершил ужасную ошибку.

Сложно вспомнить, как он тут оказался. Точный порядок слов, который позволил Юэну войти, сейчас уже ускользает от меня. Неужели я действительно приглашал его переступить порог моего дома? Не помню, как делал это. Осталось лишь ощущение какого-то неловкого нежелания с моей стороны позволить любое вторжение в мое упорядоченное существование. Он смёл мое сопротивление одним взмахом грязной руки. И в мгновение ока тишина, белые стены, отсутствие пыли, правильные углы, открытые пространства были потеряны для меня навсегда.

Его потребность в крове и поддержке обернулась льстивой настойчивостью. Я хорошо это помню. Просьба о помощи от старого друга – хотя в лучшем случае я мог назвать его знакомым. Но ему некуда было больше идти, поэтому он продолжал умолять меня о помощи. Снова и снова.

За лето частота его визитов в мою «двушку» в Бейсуотере – мой первый собственный дом – увеличилась, и он просто уже начал плакать в моем присутствии. Небритый и пьяный с утра, он рыдал, обхватив свое огромное блестящее лицо длинными пальцами, с черными от грязи ногтями. Парализованный от неловкости, я просто смотрел на него и нервно ёрзал на месте.

Но временами мне хотелось расхохотаться от вида его длинных сальных волос, которые веревками свисали из-под бейсболки, натянутой на макушку. Череп у него был необычной формы – затылок плоский, а дряблая шея плавно переходила в плечи. Приплюснутое лицо моментально вызвало бы ужас у постороннего человека. Низкий лоб над темными глазами, нос, похожий на свиной пятак, и жуткие зубы, придающие рту звериный и в то же время – как ни странно – женственный вид. Да, его рот был в чем-то сексуальным, притягательным и одновременно отталкивающим. Такое отвращение я испытал однажды, внезапно увидев в зоопарке гениталии самки бабуина. Возможно, это из-за бахромы черной бороды его губы казались такими красными и пухлыми. И возможно, это из-за контраста с яркими, влажными губами его квадратные зубы казались такими желтыми. «Доисторический рот», – помню, подумал я. В нем просто не было ничего современного.

Я не видел Юэна ни разу за десять лет, с тех пор, как он вылетел с первого курса университета. Той весной он только прибыл в Лондон, прямиком из десятилетия разочарований и неудач, подробности которых остаются для меня туманными. Но он утверждал, что неоднократно становился жертвой предательства, жестокого обращения и агрессии. Говорил о своем бедственном положении такими возвышенными фразами, словно в одиночку пережил длительное, воистину библейское страдание.

Держа в огромной ручище мусорный мешок, набитый бумагой, и мигая налитыми кровью глазами, Юэн глядел на сводчатый потолок станции «Кингс Кросс». Казалось, он начал искать меня, как только прибыл в город. Куда еще он мог пойти? Он был измотан одиночеством.

Вспоминая сейчас, я понимаю, как быстро стал его заложником в собственном доме. Еще до того, как он провел ночь под моей крышей, роли уже были распределены. Юэн развалился в моем любимом кресле, в котором я обычно сидел и читал возле подъемного окна с видом на каштановое дерево. Место, где я чувствовал себя наиболее комфортно. Место, которое защищало меня. Теперь мне пришлось съежиться в тени дивана и просто слушать.

Я обставил комнату, исходя из положения моего любимого кресла: оно было вершиной треугольника, обеспечивавшего лучший прием из стереодинамиков и наиболее оптимальный вид на телевизор, на репродукции и фотографии, висящие на стенах, на мое собрание книг, башни из компакт-дисков и коллекцию бутылок из-под абсента. Теперь всего этого не стало.

Но оттолкнув меня в прихожей в сторону, как только я открыл входную дверь, Юэн направился напрямик к тому креслу, словно некий самозванец, претендующий на трон. Он даже не задержался, чтобы снять рваную куртку с капюшоном или чтобы скинуть изношенные школьные туфли с треснувшими носками и со стертой от бесконечных, бесцельных прогулок по городу подошвой.

Я дважды видел его в Западном Лондоне, прежде чем он позвонил в первый раз. Высокая, но сутулая фигура в старом дождевике, озабоченно бормочущая себе под нос, никогда не смотрящая другим в глаза. Он шагал, возбужденный, безработный и одинокий. Что-то шепчущий и подбиравшийся все ближе к единственной вещи, которую считал приветливой и безопасной. И дважды я ускользал от него. В первый раз нырнул в магазин «секонд-хенд», а заметив его во второй раз, ушел, пятясь, в станцию метро «Квинсуэй».

Так как же он нашел меня? Кто дал ему мой адрес? Мало кто из моей университетской компании, с кем я поддерживал контакт, помнил его. И никто не слышал о нем с тех пор, как он вылетел. Должно быть, он следовал за мной домой с улицы. Наткнулся на меня, когда я покупал органические продукты или антиквариат на Портобелло-роуд. Но тогда как он узнал, где меня искать? Как нашел конкретно то место в Западном Лондоне? Должен ли я верить, что это совпадение? Не знаю. Он никогда не говорил мне и улыбался всякий раз, когда я спрашивал его, как он меня нашел. Ему нравилось знать то, чего не знаю я.

Но потом он был уже со мной, все время. Он, я и ужасный запах, который он принес с собой.

* * *

Всякий раз, когда я открывал входную дверь, этот запах накатывал на меня из длинного коридора. Даже спустя неделю после того, как его статус сменился с гостя на жильца, запах продолжал пугать меня. Пот крупного рогатого скота, острый и удушающий. Запах ног был близок к смраду отрыжки. Запах свиных почек и морепродуктов, исходящий от давно немытой мужской промежности. И что-то еще, похожее на жженую кость, связывающее воедино все остальные ароматы.

Кашлять, чтобы прочистить дыхательные пути, было бессмысленно. Вся квартира была наполнена этим запахом. Он сочился из занятой им гостиной, заволакивал прихожую, заполнял кухню и ванную, тянулся в моей комнате до потолка. Запах был повсюду и на всех моих вещах. Впитывался в обивку и ткань, набивался в тесные пространства шкафов и ящиков, веял с каждой книжной обложки и украшения. Его споры были вездесущими.

И я хорошо помню нашу первую стычку. Это был вечер понедельника, когда я вернулся домой из студии, спустя неделю после начала его «пребывания». И когда я расшнуровывал в прихожей ботинки, меня внезапно бросило в пот. Несмотря на то, что день был жарким, все окна в квартире были закрыты, а шторы в каждой комнате задернуты. Из кухни я услышал свист котла центрального отопления. Свет горел во всех помещениях, кроме гостиной, где единственным источником освещения служил экран телевизора, и под закрытой дверью искрилось голубовато-белое сияние. Он никогда не выключал телевизор и сидел слишком близко к экрану, как ребенок, которого не научили, что этого делать нельзя. Он уже считал гостиную собственной территорией и превратил ее в раздражающую копию своей комнаты в университетском общежитии. Беспорядочное гнездо с запахом свалки, пришло мне в голову сравнение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.